

Николай Фадызов

Книга первая

БЕШЕНЫИ ВОЛК
и другие повести и рассказы

Николай Удадьцов
Бешеный волк (сборник)

«Автор»

2013

Удальцов Н. А.

Бешеный волк (сборник) / Н. А. Удальцов — «Автор», 2013

Сборник повестей и рассказов – взгляд на проблемы нашего времени с позиции молодого и зрелого человека, мужчины и женщины, ребенка и исторического персонажа, эпох – от наших дней до средневековья...

© Удальцов Н. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Один день из жизни художника	6
Невероятная и веселая история о Маринке, деньгах и многих других вещах	38
Совсем не плохая история о том, как я думал, что я умный	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Удальцов «Бешеный волк» (сборник)

На обложке картина автора из серии: «Дороги начинаются с вопросов.

Но, самый главный вопрос каждой дороги – это вопрос о том, куда эта дорога может привести?»

Дорога – ведущая к свету...»

С творчеством автора, с его статьями и статьями о нем, Вы можете ознакомиться на персональном сайте Николая Удальцова

Udaltsovn@yandex.ru

Повести и рассказы написаны о разных временах и подразумевают разную и экономическую, и социальную обстановку вокруг меня, хотя я и понимаю, что – о чем бы не писал – я все равно остаюсь заложником своего времени...

– О чем твоя книга? О нас?

– Эта книга не о том, какие мы.

Эта книга о том, какими мы хотели бы быть...

...Знаешь, многое остается в прошлой жизни.

На днях я гулял по Москве, в районе Тверской, и увидел, что двухэтажный кирпичный дом возле самого большого кинотеатра столицы снесли. Мне стало жаль.

Не потому, что я грущу по прошлому. Просто на этом доме когда-то чьей-то неизвестной рукой была оставлена чугунная надпись:

«Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят...»

Так вот, моя книга о тех людях, которые это понимают.

И еще – эта книга о том, какими бывают лишние люди.

И написана она для лишних людей...

– Написать хорошую книгу совсем не сложно.

Достаточно делать это так, чтобы каждая написанная тобой страница, становилась открытием для читателей.

Дальше, остается только найти читателей, желающих делать открытия.

И дело в шляпе...

Один день из жизни художника

С людьми, о которых рассказано в этой истории, я знаком давно. И знаю их очень хорошо. Или совсем не знаю.

С теми, кто знает что-то очень хорошо, такое случается довольно часто...

...Наступило утро...

Эти слова одинаково подходят и для начала, и для окончания рассказов.

Только рассказов совсем разных.

Если рассказ заканчивается такими словами – это рассказ о ворах, или о любовниках.

Если такими словами рассказ начинается, он может быть о чем угодно...

Есть такое явление – приговор.

Если хорошенько перемешать все оттенки его синонимов и антиподов, дать этой смеси настояться, то получится явление совершенно иное.

Вывод.

Выводы – это то, что мы называем своим опытом, сыном мудрости, внуком глупости. То, на что мы опираемся в нашей жизни, то, чем мы пользуемся от рассвета до заката.

То, чему мы хозяева, у чего мы заложники.

Одним из первых выводов, которые я сделал, а может, просто запомнил, был вывод, сделанный мной еще во время службы в армии.

Возможно, все дело в том, что в те годы я был молодым, занимался спортом, и понятия не имел о том, что такое снотворное, потому, что сон у меня был прекрасным. И сны, кстати, полностью соответствовали моему здоровью и моему возрасту...

...Недавно одна моя двадцатипятилетняя знакомая – прелестное, между всем остальным, явление – спросила меня о том, как можно отличить молодого человека от старого.

– Молодым снятся сны о том, что еще не сделано. Старым – о том, что сделано уже много раз.

– Значит я старая, – задумавшись на миг, проговорило явление – Потому, что сегодня ночью мне снился ты...

...В те годы команда:»Подъем!» – была чем-то вроде выстрела в спину здоровому организму.

Предательством естества.

И, как всякое предательство, эта команда вызывала во мне чувства омерзения и ненависти, слегка приправленные страхом – вполне естественным набором отношений незрелого организма к зрелой реальности.

Но очень скоро я заметил, что уже через пять секунд, мне приходилось активно к чему-то подключаться. Кого-то толкать, получать чьи-то толчки в ответ, что-то кричать и выслушивать чьи-то крики. Проблемы сна очень быстро уступали место проблемам бодрствования, и становились незначительными.

Уходили в невоспоминаемость.

Что такое – пять секунд? Не много, даже в пределах минуты, а в пределах суток – это такая ерунда, что даже на ерунду не тянет...

С тех пор, просыпаясь по звонку будильника, я сразу встаю.

Правда, с годами, я начал пускаться на хитрости – ставлю будильник на шкаф. И вставать мне приходится хотя бы для того, что бы его выключить.

В постель я уже не возвращаюсь – не стоит дважды входить в одну и ту же реку. Для человека однажды дважды сошедшегося с одной женой – такой вывод совсем не плох.

Впрочем, этот случай – уже не река.

Это грабли...

Включив телевизор и увидев рекламу, я подумал о том, что если жизнь так легка и приятна, как показано в рекламе, то я совершенно напрасно встаю так рано и ложусь так поздно.

Многие люди рассказывают о том, что первым делом, проснувшись, они обращаются к Богу. Я никогда этого не делаю, и сегодня я встал рано не потому, что Бог подает рановстающим – хотя идея о том, что Бог идет к тем, кто его не дожидается, освоена мной уже давно – а просто для того, чтобы пройти по холстам еще одним слоем грунта.

В таких мелочах, как грунтование холста, мне вполне удается обойтись своими силами, не призывая Бога в помощники. Вообще, чем реже человек отвлекает Бога по мелочам, тем больше времени для занятия делом.

У обоих.

И еще, мне хорошо известно, что у Бога нет для меня других сил, кроме моих собственных.

Я редко использую готовые худфондовские холсты и стараюсь всегда грунтовать их сам. И уже на этом этапе между мной и холстом возникает дружба. Каждый узелок становится приятелем, и, иногда, даже помогает формировать композицию.

Узлы развязывают руки.

Вещи имеют цель...

В еде я, вообще-то, не притязателен – чашка кофе и бутерброд с сыром вполне достаточно для того, чтобы курить не натошак.

При этом, я, едва ли не единственный среди моих знакомых, курильщик, осуждающий курение.

Говорят, что сигарета помогает при стрессах.

Ерунда.

Ни в чем она не помогает; просто после сорока начинаешь кашлять по утрам и постоянно ощущать зависимость от табачного ларька.

Много лет назад, мой старший сын, Александр – он тогда еще учился в школе – подарил мне на день рождения антиникотиновые мундштуки:

– На следующий год будет пластырь «Никотинел», только курить ты все равно не бросишь.

– Почему, сынок?

– Ты бросишь курить, только когда станешь ненавидеть себя за это. Как стал ненавидеть себя за пьянство...

...Бывают такие дни, когда ты успеваешь сделать то, что запланировал еще до того, как все пойдет так, как и должно пойти – наперекосья.

Загрунтовать холсты никто не помешал – мне бы насторожиться – к чему бы это?

Когда все идет по плану нужно быть особенно осмотрительным, или, по крайней мере, задуматься о цене такого плана.

А, может, жизнь тогда и начинается, когда все начинает идти не по плану.
Мне бы насторожиться, а я просто налил вторую чашку кофе.

И в это время позвонила моя первая жена Ольга:
– Ты спишь?

Я давно заметил, что многие вопросы обладают одним свойством: они становятся бессмысленными, как только на них находится конкретный ответ. Впрочем, те вопросы, на которые не находится конкретных ответов – становятся бессмысленными еще раньше.

– Нет, – ответил я. Что еще я мог сказать?

– Это звонит твое прошлое.

– Все рано или поздно становится прошлым, – соврал я. Мне отлично известно, что очень многое вообще ничем не становится.

– Как твои дела?

– Нормально, – вновь соврал я, а потом сказал правду, – Хотя я не всегда понимаю, что означают эти слова.

Таким образом, мне удалось сохранить связь с истиной, и оказаться лжецом всего на шестьдесят семь процентов.

Для художника это совсем не плохо.

Для писателя – просто замечательно...

...Вообще-то женат я был трижды, и с женами мне повезло. Первые две были очень красивыми женщинами, а третья – такой красивой, почти как чужая жена.

Я никогда не говорил о них плохо, и не обижен за то, что они оставляли меня – какая женщина выдержит ежедневное пьянство мужа, имевшего одну перспективу – спиться до конца. Да еще, клявшего на всех перекрестках строй, при котором жил.

Вторая жена, Ирина, мне так и сказала в день развода: «Твой враг не власть, а ты сам! Вернее, твоя водка!» На что я довольно безответственно попытался отшутиться:

– Может, я люблю водку, как своего врага. Я ведь православный.

– Знаешь, Христос конечно сказал: «Кто сам безгрешен, пусть первым бросит в меня камень», – но боюсь, он не всегда задумывался над тем, к каким последствиям могут привести его слова...

Насчет своего православия, я, конечно, загнул. Не то, чтобы я не верю в Бога, я просто не знаю, к чему его приставить.

В то, что земля и природа на ней, созданы по некоторому умственному велению, я не верю потому, что уж больно неразумно она создана. Простой вопрос – зачем людей разделили на расы? – приводит в тупик.

Должна же была мудрейшая система, да еще и имеющая вечность для того, чтобы совершенствоваться, предусмотреть такие очевидные проколы в своем детище.

Что же касается нравственности, то мне кажется, что порядочный человек вполне может позволить себе быть атеистом.

Что с Богом, что без бога – я все равно не стану ни убивать, ни воровать.

Так, что Бог здесь, вроде, как-то и ни причем...

...Наверное, оставляя меня, жены вздыхали с облегчением, а я просто храбрился.

Храбрость – это не мужество.

Мужество – это храбрость плюс мудрость.

И, наверное, хорошо, что они до сих пор не знают, почему я не выл волком. Всякий раз тоска была такой, что сил даже на вой не было.

Я никогда не пытался вернуть своих бывших жен, потому, что хорошо понимал, что, если за все, что угодно нужно бороться до конца, то за женщину только до начала.

В некоторых делах, начало – это и есть конец...

После развода со мной, каждая из моих жен с большей или меньшей успешностью устраивала свою жизнь, но вот судьба – их нынешние мужья – страшные выпивохи, а я уже давно не пью.

Ни по праздникам, ни по будням.

Не думаю, что это вызывает у них раздражение, но одна из подруг моей третьей жены, Людмила, рассказала мне, что однажды, на вопрос о том, что обо мне слышно, та просто ответила:

– Не пьет теперь, мерзавец...

А вообще-то, такую неприятность, как сожительство с пьяницей, мои жены мне со временем простили.

– Ты знаешь, зачем ты мне понадобился? – спросила Ольга.

– Я думаю, что мужчины нужны женщинам затем же, зачем женщины нужны мужчинам...

– Ну, ты и хам, – она также стала отступать от истины.

Женщины и проститутки отступают от истины, когда ищут выгоду, мужчины и политики – когда находят. Когда я говорю о женщинах и мужчинах, я имею в виду женщин и мужчин по отдельности, когда о политиках и проститутках, иногда – тоже.

Впрочем, я не стал вступать в дискуссию, и просто сказал:

– Извини, – и сразу получил возможность выкупить индульгенцию:

– А помнишь, ты хотел купить мне кожаный плащ?

Меня легко застать врасплох. Наверное, поэтому я ответил:

– Помню, Оля.

– Еще в семьдесят втором.

Теперь было бесполезно спорить. Тем более напоминать о том, что мы познакомились в семьдесят третьем. К тому же, мне уже все стало ясно – оставалось только выяснить цифру.

– И сколько не хватает?

– Двести долларов. У тебя есть двести?

– Есть, – в третий раз соврал я. Таким образом, в разговоре с женой, мне удалось победить в забеге по лицемерию. С остальными людьми я обычно иду на равных.

А некоторым проигрываю в пух и прах.

– Тогда я заеду завтра, – сказала она, а потом зачем-то добавила, – А знаешь – ты, вообще-то, хороший человек. Я подругам и раньше это говорила.

Уточнять то, что все ее подруги со временем перебивали и моими подругами, и мне было отлично известно, что именно она обо мне говорила раньше, я не стал.

Эволюцию от хама до хорошего человека я проделал за несколько секунд, и мне было приятно, что такой близкий человек, как бывшая жена, это признала...

...Кофе уже остыл, холсты еще не высохли.

Закуривая очередную сигарету, я совсем не думал о том, что через несколько минут мне придется попытаться совместить неприятное с бесполезным – поиски денег с поисками справедливости...

В отличие от большинства моих современников, сотрясающих воздух клятвами в том, что каждым своим прожитым днем они вынуждены гордиться, и только христианское смирение позволяет им молча сносить бремя своей праведности, мне есть чего стыдиться в своей жизни. Однажды мне задали вопрос, о том, что бы я переделал, если бы у меня была такая возможность, и я ответил: «Все...» – чем, кажется, разочаровал тех, кто спрашивал.

Легким утешением является то, что мне есть чего стыдиться и в жизни своих современников. И почему-то за своих современников мне бывает стыдно почти так же часто, как за самого себя.

А иногда, значительно чаще.

Следующий звонок, прозвучавший в моем доме, напомнил мне об одной истории, за которую мне не то, чтобы стыдно, скорее неловко, что впрочем, не меняет сути.

Суть вообще изменить трудно...

Несколько лет подряд я устраивал что-то вроде благотворительной выставки в одном из детских фондов. Благотворительность заключалась в том, что цены на картины в этом фонде совсем маленькие, да еще я говорил девочкам из фонда, ведущим всевозможные кружки и секции с утра до вечера за такие не серьезные деньги, что их и деньгами назвать трудно:

– Половину возьмите себе...

В последний раз, я получил пакет с деньгами, и, не пересчитывая, положил его в карман.

Я был уверен в том, что девочки все сами поделили – там действительно была совсем не большая, даже по моим меркам, сумма. А через месяц прошел слух о том, что некоторые художники не брезгают тем, чтобы нажиться на детях.

С тех пор, то там, то тут всплывает мысль о том, что я рвач.

Вот и теперь мне позвонил мой старинный приятель, художник Гриша Керчин, и рассказал о том, что выходит статья о коммерции в живописи. И намеки на меня в ней, очень ясные. Даже фамилия называется.

– Может тебе написать открытое письмо этому Майорову, – предложил Гриша.

– Оно будет состоять из одной фразы, – ответил я: «Не стоит судить обо всех людях по себе...»

Григорий полно и в красках, на то, он и живописец, передал мне содержание, и очень ясно высказался по поводу автора этой статьи Ж. Майорова, продемонстрировав при этом безграничные возможности русского языка:

– Хочешь, я этой заднице рожу начищу?

«Это не аргумент», – хотел ответить я, но ничего не ответил, потому, что иногда это – является аргументом.

К сожалению.

Я позвонил Жоресу Майорову, когда-то бывшему моим товарищем.

Когда-то бывшему художником.

Которому я, кстати, или совсем наоборот, когда-то помогал.

С которым, мы разошлись по одной причине – кроме национализма, я не люблю в людях жадность, и неблагодарность. А Жорес был жадным и неблагодарным человеком. И не насиловал себя лицемерием.

Лицемерие не рождает самозабвенности ни в чем. Если есть самозабвенность – это уже зов сердца. Во всем, и в сволочизме, в том числе.

Когда-то в юности я мог сказать: «С такими людьми я ни за что не стану общаться!» – теперь, с годами, я убедился в том, что приходится общаться с самыми разными людьми.

Только восторга во мне – это не вызывает...

И очень жаль, что иногда мы настолько несовершенны, что нас задевает даже то, что о нас говорят совершенно безразличные нам люди.

Статья была нечестной, как почти всякая борьба за правду.

В ней, например, говорилось, что за деньги некоторые художники готовы писать копии.

Не знаю, как «некоторые», а я не писал копий даже во время учебы. Если получал задание, все равно, брал и переворачивал картину известного мастера справа налево. И потом, когда какое-то время у меня были собственные ученики, я учил их так же: «То, как писал мастер, вы почувствуете, но поработаете и своими мозгами».

Даже однажды высказал мысль, принявшую может не очень красивую, но очень верную форму:

– Много раз возвращаться к своей теме – это как много раз быть со своей женой. А писать копии – это заниматься маструбацией у портрета кинодивы...

Я позвонил Жоресу, чтобы задать один-единственный вопрос, но, к сожалению, перед этим мне пришлось поздороваться – интеллигентность не шило, в мешке не утаишь:

– Здравствуй, а лучше нет.

– Ты все шутишь, – ответил он, явно пересаливая в радушии.

– Зачем ты это сделал?

– А знаешь, какие у них гонорары?

– А знаешь, какой ты человек?

– Какой?

– Мелкотравчатый... – может я зря так разозлился не Жореса, ведь он наверняка завидовал мне. А по большому счету – зависть – это тоже лесть...

Потом я позвонил к журналистке Анастасии и спросил:

– Тебя можно разбудить?

– Попробуй только – убью, – ответила мне Анастасия, и я отправился к ней.

...Мне не нравятся разговоры о том, что все женщины делают карьеру через постель. По моему, такие разговоры ведут мужчины, завидующие этой возможности женщин.

Конечно, я не ханжа, и отлично понимаю, что судьба дала женщинам оружие, мощь которого и не снилась североатлантическому блоку. Даже, усиленному Эстонией.

Просто не верю, что это – все, что может женщина.

И потому мне безразлично, что говорят об Анастасии.

А еще я помню, то лохматое создание, которое явилось на мою первую экспериментальную выставку и довольно нагло заявило:

– Я – профессиональный художник.

– Пока еще – нет, – ответил я, – Станешь им, когда заработаешь на первую горбушку хлеба...

С живописью у Стаськи не сложилось, и, не смотря на ее сказки о «потрясающих успехах», мне достоверно известно то, что у нее купили одну картину.

Ту, которую окончил за нее я.

Анастасия стала журналисткой, притом, что она, кажется, до сих пор уверена, что холодная война, это война между моржами и тюленями, экватор, это страна, борющаяся за независимость, а Менделеев – это легендарный комдив времен Гражданской войны.

Хотя, вполне возможно, она думает, что Менделеев, это отважный белогвардейский генерал.

Наглость у нее осталась – утро, по ее мнению, наступает только тогда, когда она встает с постели.

Это терпимо, и однажды я сказал ей:

– Ты мне очень нравишься.

– Одного у тебя, Петя, не отнимешь – вкус у тебя хороший...

И все-таки, если примириться с ее самомнением или просто не обращать на него внимания, Анастасия – отличная девчонка.

На столько отличная, что даже не хочется вспоминать о том, сколько лет мы с ней знакомы.

Во всяком случае, мы с ней такие старые друзья, что она позволяет себе не отказываться от своих привычек из-за моего появления. А привычки у нее самые разные, и некоторые из них вводят в заблуждение тех, кто мало с ней знаком.

Одна из ее привычек – разгуливать по квартире обнаженной с утра до того момента, пока ей не надо куда-нибудь собираться. Не буду скрывать, иногда я пользовался этой ее привычкой. Впрочем, в основном как некая помесь посетителя музея с ученым-теоретиком, так, как уложить Анастасию в колыбельку совсем не просто – что бы о ней не говорили.

В свое время я в этом убедился. Тогда же я стал принимать ее такой, какая она есть.

– Кофе будешь? – спросила Анастасия, открывая мне дверь.

– Конечно. Я даже купил его по дороге...

В определенном смысле, для Анастасии, я – отдушина. И это наша маленькая тайна. Дело в том, что она очень любит поесть, сидя при этом на очередной диете. Такое она может делать только при мне, поэтому, я купил сыр, ветчину и банку «Макконы».

– Ты – человек. Жаль только, что ты не мой брат.

Вообще-то сыр делит животных на людей, и нет – тут я согласен.

А вот в отношении остального, то я помнил о том, что несколько раз Анастасия замирала в моих объятиях, и сожаления о том, что она не моя сестра, никогда не испытывал.

В доме Стаськи одно единственное кресло. Его притащил ей я еще много лет назад, когда мой брат покупал новую мебель. И креслу этому почти столько же лет, как и мне. Так, что у нас с ним что-то вроде родства, что дает мне право занимать его каждый раз, когда я появляюсь у Анастасии.

Сама Анастасия с чашкой в руках сидела на диване:

– Петь, я не знаю чем тебе помочь со статьей. Я ведь давно не пишу. Я теперь менеджер.

– Что это означает?

– Посредник, представитель.

– Ясно.

– Что тебе ясно?

– Мне ясно, что главный менеджер на земном шаре это папа Римский...

– Я теперь не пишу, а общаюсь с банкирами, депутатами, бизнесменами.

– Понимаю. Мне тоже иногда приходится заниматься черт знает чем.

– Вот сейчас я должна договориться о встрече с советником спикера. Он, между прочим, входит в первую десятку самых умных людей.

– В первую десятку от начала или от конца?

- Ты меня злишь.
- Значит, я еще жив...

Мне нужно было сказать, что я добрый, но я не сказал этого, потому, что мне вдруг стало очевидно: то, что я делаю – ненормально.

Передо мной обнаженная красивая женщина, а я раздумываю, о том, как мне насолить какому-то совершенно безразличному мне прохвосту.

– Я очень глупый, – сказал я, вставая с кресла, и еще успел услышать в ответ, переходящий в шепот:

- Иногда – не очень. ...

Когда мы поднялись с дивана, Анастасия стала одеваться:

– Знаешь, я все-таки подумаю, чем можно тебе помочь. Позвоню тебе вечером. А сейчас мне пора.

- Не думай.
- Почему?
- Просто я вспомнил одну вещь.
- Какую?
- Я вспомнил, что мне плевать на то, что обо мне пишут...

Потом я хотел извиниться за те глупости, что наговорил ей, прося помочь мне в борьбе с Майоровым, но успел произнести лишь одно слово: «Извини...»

– У тебя в этот раз все получилось совсем не плохо, так, что извиняться не за что. На днях можем повторить.

Вот и попробуй найти общий язык с журналистом...

Кстати, журналистка она, совсем не плохая. Об этом я слышал и от ее друзей, и от ее врагов. Хотя какие могут быть враги у журналистов?

– Только у журналистов и бывают настоящие враги, – сказала Анастасия мне однажды...

Как и еще очень многие, я, случается, говорю: «Все бабы – дуры,» – но когда задумываюсь – сразу обнаруживаю, что процент умных женщин, встречавшихся мне в жизни, оказывался выше, чем процент умных мужчин.

Может, мне просто повезло с женщинами.

А, может, мне повезло с жизнью...

При этом, я давно убедился в том, что умная женщина – это не проблема, а решение.

Умная женщина может изобразить из себя дуру, для того, чтобы влюбить в себя умного мужчину. Глупая – всего лишь представить себя умной, чтобы выскочить замуж за дурака...

...Нина, к которой я отправился, уйдя от Анастасии, настолько умная, что перед ней никогда не нужно оправдываться. И еще, у Нины есть одна черта – она очень любит помогать своим друзьям. Так любит, что я обращаюсь к ней только в крайнем случае.

Притом, что для помощи друзьям, у нее есть возможности. Нина довольно большой начальник в московской областной телефонной сети – той сети, в которую попадают все владельцы коттеджей и особняков.

– Привет! – сказала мне она, открывая дверь. И сказала это так, что сомнений в приветствии не возникло, – А я только проснулась. Я ведь в отпуске.

– Тогда – доброе утро.

На ней был необозримо пушистый белый халат и босоножки. Хотя Нина высокая женщина – она всегда носит обувь на длинноногом каблуке, и от того ее собственные ноги кажутся еще длиннее. И никогда не сутулятся, как многие высокие женщины.

– Знаешь, какой у нее вид? – спросил меня один из художников в ЦДХ, после того, как я познакомил его с Ниной.

– Какой?

– Достойный...

Человек делает очень много лишних движений. Хотя вопрос о том, на сколько эти движения оказываются лишними в конечном итоге – это очень спорный вопрос.

Пропуская меня в комнату, Нина что-то поправила на вешалке, и ее халат распахнулся. Лишь на мгновение, но его хватило для того, чтобы я увидел ее грудь, а она увидела то, что я – ее увидел.

У Нины очень красивая грудь, и она отлично это знает.

Видимся мы с ней не часто, иногда по делу, реже – без дела, и совсем не каждая наша встреча происходит именно так, но когда происходит так – так получается каждый раз:

– Наказание ты мое. Мы же с тобой просто друзья, – прошептала Нина.

– Быть с тобой просто другом – это и есть наказание...

...Потом, когда сердечные ритмы и дыхание уже стали приходить в норму, Нина, немного смущенно, немного грустно, но при этом, прямо глядя мне в глаза, сказала:

– Я замуж выхожу.

Вот бывает так, идешь по улице, знакомой, но не связывающей ничем, и ни на что не обращаешь внимания. Но стоит тебе подумать, что видишь эту улицу в последний раз, так сразу ощутишь приступ нетяжелой тоски.

Прощальной.

Не от слова «прости», а от слова «прощай».

То же самое, я почувствовал в этот момент. И мне нечего было больше сказать, кроме:

– Я завидую твоему будущему мужу.

– Он генерал.

– Не смотря на это, я ему все равно завидую...

Я еще попытался что-то промямлить вроде: «Все в божьей воле,» – но Нина остановила меня:

– Не люблю я всей этой библейщины: «Ударили по одной щеке – подставь другую,» – это не для меня, да и не для тебя тоже.

– Для меня – раз ты выходишь замуж за генерала.

Ведь это про удары судьбы...

– Знаешь, почему я не попыталась выскочить замуж за тебя?

– Не рассказывай. Я расскажу сам.

Иногда видишь какую-нибудь старую вещь, даже держишь ее в руках, но не можешь представить того, кто ее сделал. Был тот человек высоким или малорослым, толстым или худым, лысым или мохнокудым, молодым или старым, ленивым или трудолюбивым, умным или глупым, счастливым или несчастным, и даже – талантливым или бездарным. Так и со мной.

И дело в том, что я сам о себе всего этого не знаю...

Однажды мне пришлось разговаривать с психологом:

- Не могу определить род ваших занятий, – сказал он мне.
- Я тоже...

Одевание вдвоем, если оно не переросло в семейную привычку – довольно пресное действие, и Нина оказалась серьезней меня:

- Только не ври. Ты ведь зашел по делу.

Иногда честность утаить трудно. Почти так же трудно, как лицемерие, и я бросил взгляд на постель.

– Я получил больше, чем, то – зачем шел, – я ведь и вправду ни разу не вспомнил о том, что шел за деньгами.

- Не обманывай. И не путай разные вещи.
- Да ладно. Не хочу тратить слова на ерунду.
- Говори, – спокойно сказала Нина, и я уступил перед ее безлукавостью:
- Жена звонила. Хочет купить плащ. Просила помочь деньгами.
- Много нужно?
- Двести баксов.
- Тебе надолго? А-то ведь у меня скоро свадьба.
- На неделю. Не больше.

Нина такой умный человек, что когда у нее спрашивают деньги, она никогда не предлагает советов. Вот и теперь она встала, открыла дверцу стенки, постояла, что-то разглядывая внутри, вытащила откуда-то и протянула мне четыре пятидесятидолларовые бумаги.

– Я не подведу тебя, – я знал, что Нина все понимает, но какой-то дискомфорт для меня все-таки был.

- Знаю. Ты честный.
- Как-то не ловко.
- Перестань. Увидимся в этой жизни.
- Конечно. Тем более, что другой жизни у нас не будет.

И тут в глазах у Нины появился крошечный, совсем секундный чертик.

Такой, какой может появиться в глазах только у настоящей женщины:

- Кто знает...

... Город, в котором я живу, маленький, пристолличный, сытенский.

Зеленая, я бы сказал, зона, если бы не депутаты-коммунисты, которые с удивительным постоянством проходят по нашему округу. Впрочем, и на красный пояс наш городок не тянет – уж больно он удобный. И от Москвы, нбе то, чтобы далеко, но, все-таки, не под боком – минут пятнадцать, если не попасть в пробку. Может, потому олигархи, мафиози, поп-дивы и депутаты любят его окрестности с одинаковой прилежностью.

И одинаковой безразличностью.

Так как городок не большой, то все близко, и от Нинино дома до моего всего два шага.

Нечего удивляться тому, что, сделав первый шаг, я увидел машину своего младшего сына Сергея у подъезда моего дома...

... Когда моя первая жена хочет меня уколоть, она говорит:

- Ты никогда не занимался воспитанием своих детей.

И я не спорю с ней, потому, что отлично понимаю, что, в сущности, хорошо устроился: она одевала, кормила, растила наших сыновей практически одна. Ей было очень трудно на этом пути, а я находился где-то на обочине – совмещал в одном лице звание отца и должность блудного сына.

И дети – это наша общая радость, и мой личный стыд.

Хотя, они и не держат на меня зла.

Они. Но – не я сам.

Кстати, то, что я не пытался заниматься воспитанием своих сыновей, не то, чтобы неправда, скорее неистина.

Эти две меры адекватности, в данном случае не дополнения, а самостоятельные безличные предложения.

Или, наоборот, очень личные.

Когда-то давно, когда мой старший сын учился в десятом или одиннадцатом классе, я позвонил ему и сказал:

– Ты растешь, сынок, и пора нам поговорить о вещах, о которых ты можешь поговорить только с папой.

Вряд ли можно догадаться о том, какого цвета были мои уши, когда я это говорил. Но я честно проштудировал «1001 вопрос про это» и «Половое воспитание ребенка в школе». И, когда сын зашел ко мне, я, нацепив очки – сам не знаю, зачем это сделал, потому, что в очках только читаю, но я был достаточно подготовлен для того, чтобы не пользоваться шпаргалками – собрался для начала рассказать сыну о том, что у девушек бывают разные периоды, как сын остановил меня:

– Папа, мне Анька на компьютере отпечатала все свои циклы до конца двадцать первого века. А в остальном, знаешь, нормальные люди пользуются контрацептивами.

Все-таки я не зря надел очки.

Мне пришлось только один раз прервать дальнейший рассказ сына:

– Не так быстро, сыночек, я не успеваю записывать...

– Ну, что, – спрашивали меня потом, – Выяснил, откуда берутся дети?

– Да. Осталось выяснить главное.

– Что?

– Откуда берутся взрослые...

Одно жалко. Я не успел сказать сыну главного: каждая женщина – первая и последняя в жизни. Только так нужно относиться к женщине, если ты мужчина. Может быть, я скажу это сыну потом. А может, он сам поймет это...

Не только у такого родителя, как я – наверное, у всех родителей – время постепенно уводит детей. Дети растут, и у них начинается своя жизнь, а с ней и свои проблемы. А родители остаются со своим снобизмом – уверенностью в том, что они знают, как решать проблемы своих детей. Возможно, это происходит оттого, что свои проблемы родители, как правило, решить так и не сумели. Зато, уверились в то, что своих детей они знают хорошо.

История короля Лира – история не про детей, а про родителей. Да и то, прожил старик со своими дочерьми жизнь, и так и не понял, кто из них, что из себя представляет.

Мои сыновья выросли. Старший, Александр, окончил консерваторию, поет в музыкальном театре, ездит на гастроли за границу, вот и сейчас он где-то толи в Австрии, толи в Германии. Младший, Сергей, несмотря на то, что совсем молод – уже довольно крупный юрист, адвокат.

Такой крупный, что берет напрокат автомобиль «Линкольн». Старший сын пока обходится «четверкой».

Они оба современные, образованные ребята, говорящие на английском языке, не хуже, чем по-русски их родители.

А думающие – еще лучше.

Они, люди совсем другой эпохи, хотим мы этого или нет. Я не говорю о том, какая эпоха лучше, просто их время – другое. И по большому счету, наше время им так же безразлично, как эра динозавров, только экзотикой оно стать еще не успело, а, следовательно, безразлично вдвойне.

А, может, и тут мы – страна особенная. Везде природа отдыхает на детях, а у нас природа отдохнула на родителях.

И мне кажется, что главная беда здесь в том, что нас слишком долго неправильно учили.

Нам говорили: будь бедным, но честным. А людей нужно учить быть богатыми.

Честность же должна быть сама по себе, в крови.

Честность нельзя противопоставлять иным качествам и свойствам...

– Я уж как-нибудь обойдусь без автомобиля, компьютера и мобильного, – довольно опрометчиво заявил я как-то старшему сыну, и тем самым продемонстрировал, что умею говорить глупости не хуже, чем все остальные люди.

А он пожал плечами и подарил мне «Моторолу».

– Чем больше обременяешь себя удобствами, тем больше раскрепощаешься, папа.

– Спасибо, сыночек, только что я с этим телефоном буду делать? – спросил я, и сын вздохнул.

Возможно, этот вздох заменил ему вращение пальцем у виска:

– Если нажмешь на вот эту кнопку, можешь смотреть мультики...

Именно этот мобильник зазвонил в то момент, когда мы с Сергеем входили в мою квартиру. Даже не в квартиру – квартира, это то, что у нормальных людей. В мою среду обитания, в которой у меня такой же бардак, как и в голове. Так, что если случится землетрясение, я замечу его результаты не раньше, чем через неделю.

В принципе, я мог бы получить какое-нибудь подвальное помещение из нежилого фонда под мастерскую. Даже больше того, однажды получил, но как только я с друзьями привел его в какой-то вид, оказалось, что оно необходимо ЖЭКу. Я повозмущался, а потом плюнул на это. Все равно, в мастерской нужно жить – не бежать же в соседний квартал, если в полночь голову придет мысль сделать один мазок кистью.

Дело в том, что у нас пруд пруди людьми умеющими рисовать – кстати, у меня самого по рисунку всегда была тройка. «Отлично» у меня было по композиции – только никто из этих людей никогда не станет художником, потому, что ничто не заставит их встать ночью для того, что бы провести новую линию.

Это не значит, что остальные люди хуже нас, просто у нас есть крест – то, что заставляет нас проводить линии. И сомневаться в том, что мы делаем это правильно.

На заре нашей постбольшевистской православизации, один новоиспеченный православий сказал мне:

– Креститься тебе надо.

– У меня уже есть один крест.

– Какой?

– Сомнения...

Сомнения, это оценка расхождения между целью и результатом.

В определенном смысле, именно мое сомнение мне позвонило на мобильный телефон «Моторола», подаренный мне моим старшим сыном.

И, кстати, учившимся с этим сомнением в одном классе.

И совсем недавно.

– Ау, – сказал я в трубку, – В том смысле, что – алле, малышенька.

– Ты где?

– Я только что вошел домой.

– Я скоро зайду. Можно?

– Я всегда тебя жду, но что случилось?

– Узнаешь первым...

«Этого нам только не хватало,» – легкий холодок прошел по моей душе, если душа находится где-то под ребрами. А сын смотрел на меня, и в его взгляде отражалось сожаление обо всех тщетах моего бессмысленно постаревшего, но так и не повзрослевшего поколения.

Что я мог ему сказать? Ведь гармония это всего лишь равновесие между желанием и возможностью. А малышка – она просто перепутала меня с кем-то, кто должен был быть на моем месте. Не сын глуп – у меня не хватает слов, для того, чтобы объяснить все это. Не только ему, но и себе.

– Как твое здоровье, пап? – спросил Сергей.

– Да, знаешь, что-то спина стала побаливать, – в моем голосе все-таки появились оправдательные нотки, словно вот болит, но я не виноват, – Надо заглянуть к врачу.

– Загляни лучше в «Свидетельство о рождении». И в ее, между прочим, тоже... Малышенька...

Мы еще поговорили с сыном, и я, кажется, спросил его о том, откуда он знает про малышку, а Сергей ответил что-то вроде: «Москва – город провинциальный. Все, все, про всех знают, но ничем не интересуются. Ведь у нас даже любопытство особого рода. Оно строится на безразличии,» – но в это время постучали в дверь.

Вообще интересно, двери существуют для того, чтобы в них входить или для того, чтобы в них стучаться?..

Провинциальность нашего городка заключается еще и в том, что по подъездам ходят всевозможные проходимцы, и предлагают черт знает что. Кто-то итальянские кожаные куртки из Белоруссии, кто-то – стаканы из хрустального Гуся. Эти оказались свидетелями Иеговы – самыми наглыми представителями просящего племени:

– Мы хотим предложить вам книгу о той жизни, в которой нет ни жадности, ни зависти, о жизни, в которой нет места обману и лени, честолюбию и подлости, жизни, в которой каждый имеет то, что заслужил.

– Я уже читал эту книгу, – проговорил мой сын, – Она называется «Робинзон Крузо»...

Удивительная вещь – говорят, что очень легко любить человечество, но очень трудно любить человека. У меня получается наоборот – люблю очень многих совершенно реальных людей, но совсем не люблю человечества.

Я, вообще не могу огульно любить людей.

И не верю тем, кто говорит, что умеет это делать.

Огульная любовь, по-моему, это признание к порядочности путем уравниловки.

Вошедшие в мой дом, вообще совершили умопомрачительный прыжок из реальности – они любили нечто, связанное с людьми, при этом не любя ни людей, ни человечества, и оттого

их лестница любви рушилась в самых неожиданных местах. Это было видно по тому, как они глядели на моего сына.

И еще, они явно не задумывались над тем, что снобизм каждого поколения заключается в том, что оно уверено, что конец света придет именно на него.

На пророков я смотрю с большой тоской – незваная гостья заговорила с Сергеем вымученной скороговоркой:

– Наступит время, когда тени ваших самых мерзких и зловещих предков восстанут из гробниц, и вы начнете встречать их на улицах.

– Это время уже наступило, – пожал плечами мой сын, – И я встречаю тени зловещих предков у памятника Ленину на Октябрьской, каждый год первого мая и седьмого ноября...

Этих ребят уже не так легко смутить божьей карой, как нас, православствующих безбожников, хотя я и не знаю – хорошо это, или плохо. А «свидетельница» верещала:

– Настанет день страшного суда!

– А этот суд предполагает презумпцию невиновности?

– Что?

– Ничего. Просто, в отличие от вас, я начинаю серьезно готовиться к процессу...

Не знаю, есть ли в этом правота, не знаю, хорошо ли отсутствие сомнений в божьем суде, но знаю точно, что лицемерия в этом нет. И я уважаю своих детей за это.

И думаю, что Бог, если он есть, тоже уважает их. Как и моего деда-коммуниста – хотя бы за то, что после партсобраний, он не шел крестить своих детей. Наверное, для таких людей, у Бога припасен не ад, а чистилище.

Впрочем, чистилище поколение моего деда прошло на земле...

Вообще, существование Бога, это долгий вопрос, и, однажды, я попытался его разрешить.

Я позвонил в Московскую патриархию для того, чтобы задать простой и житейский вопрос: «Бог есть?» – но попал на электронный агрегат, который монотонным голосом говорил:

– Ждите ответа...

– Ждите ответа...

– Ждите ответа...

Может, я ошибся номером.

А может, я ошибся адресом...

Люди делятся на две категории. Одни заблуждаются, думая, что Бог есть. Другие – заблуждаются, думая, что бога нет.

К кому отношусь я?

Скорее, ко вторым, хотя, куда легче быть с первыми...

...Конечно, мои дети вызывают у меня не только уважение, еще больше они удивляют меня.

Впрочем, если человек удивляется, значит, он не безнадежен.

И это служит, хоть не большим, но, все-таки, утешением.

Для меня...

Мои сыновья – люди занятые, да и я – не самый большой лентяй на белом свете. Кстати, в своей жизни мне приходилось заниматься самыми разными вещами. Я был шахтером в Инте, и геологом Ухтинского геологического управления, промысловиком в Воркуте и рыбаком Ново-

портового рыбозавода на Ямале, а когда один мой знакомый, съездивший в Египет, стал рассказывать о том, как интересно плавать с аквалангом, я просто ответил:

– Знаю. Я ведь водолаз третьего класса.

Когда меня просят рассказать о Севере, я отвечаю просто:

– Север – это такое место, где северный конец стрелки компаса, показывает не на Север.

Я всегда стараюсь отвечать просто, хотя бы потому, что простой ответ трудно понять неправильно. Хотя давно смирился с тем, что даже если скажешь так, что понять тебя неправильно невозможно, все равно кто-нибудь тебя неправильно поймет.

Так, как я устаю сейчас, я не уставал никогда.

Ни в шахте, ни на промысле.

И я не в претензии за это, потому, что сам выбрал свой путь, и убедился в том, что когда увлечение превращается в работу, дел становится очень много. И все-таки три четыре раза в году, мы с детьми собираемся вместе и едем на рыбалку.

Это здорово, что мне удалось еще с детства подружить детей с природой. В наше, очень опасное соблазнами и трагедиями время – природа очищает душу, а, значит, освобождает место в душе для голоса. Никакие проповеди не могут сравниться с рассветным лучом солнца, делающим листву прозрачной и называющим все цвета в природе своими именами, или временем, когда последнее дневное тепло и вечерние сумерки сливаются, не противореча, друг другу.

Природа – это первый голос души. И хорошо, что мои дети знают это.

У одного моего товарища, добрейшего, кстати сказать, человека, возникли проблемы с сыном, и он рассказал мне о них:

– Просто не знаю, что делать. Я ему икру покупаю, говорят, она кровь очищает, а сын просит покупать сигареты, – я посоветовал:

– Купи не икру, а корзинку для грибов...

Однажды, когда мы собирались на рыбалку, сыновья в очередной раз озадачили меня:

– А Пушкина вы читаете? – уже не помню, к чему спросил я. Скорее всего, это была просто стандартная дань воспитательскому занудству. Кстати, между всем прочим – учителем мне тоже побывать пришлось, когда на Обской губе, в Яптик-сале, на гусином мысе, я оказался, единственным на тысячу километров, человеком с высшим образованием, и был отправлен, вместо рыболовецкой бригады, преподавателем в интернат для оленеводских детей: «А Пушкина вы читаете?»

– Это того, о котором Булгарин сказал: «Великий был человек, а дал себя подстрелить, как зайца»?..

Я не поленился и позвонил в Академию наук, в секцию русской словесности, и кто-то из великих, может быть сам академик Мовдзолевский, ответил мне:

– Булгарин действительно произнес эти слова. Но он не осознавал величия момента. Того момента, в который, для всех просвещенных людей России, включая и наших современников, время остановилось навек. Простите, а с кем я говорю?

– С человеком, похожим на Булгарина, – вздохнул я...

Удивительно, но я занимался своим образованием всю жизнь, а сыновья, кажется, никогда не занимались – но они знали о Булгарине, а я – нет.

Может, то, чем занималось мое поколение – называется не образование, а, как-то, иначе? Впрочем, это воспоминания, а мой старший сын находился в моей среде обитания.

– Сынок, я сейчас чайник поставлю, позавтракай со мной.

– Пап, я на минутку. Я уже перекусил в «Макдонадсе». В вашем районе у меня дела были. Отвозил бумаги в управление, и в правление одной фирмы.

– А чем правление отличается правление от управления?

– Не забивай себе голову мелочами, папа, – вздохнул сын, ощущая бесперспективность моего бизнес-просвещения, – Тут вот такая вещь, мама хочет плащ купить.

– Кожаный, – вставил я. Интересно, что называется: «Забивать себе голову мелочами»?

– Уже знаешь?

– Я-то – знаю. А откуда знаешь ты?

– Вчера весь вечер с тетей Жанной по телефону разговаривала. У тебя деньги есть?

– Я найду, Серега.

– Да, ладно. Вот двести. Папа, я бы больше дал, но меня сейчас у самого не очень, чтобы очень.

– А почему ты сам маме не дал денег?

– Так она ведь у тебя спрашивать будет.

– Почему ты думаешь, что она попросит у меня, а не у кого-нибудь другого. У той же тети Жанны, например?

Сын ответил с прагматичностью, над которой я никогда не задумывался:

– Потому, что другим отдавать надо, – потом добавил, – А ты у нас, папочка, сам по себе – подарок...

– Папа, знаешь, кто такой мустанг? – спросил меня Сергей однажды.

– Не знаю.

– Это одичавшая домашняя лошадь...

Через несколько минут после того, как сын уехал на «Линкольне», то есть, пошел своей дорогой, на которой стоял верстовой камень с двумя стрелками «Правление» и «Управление», а я остался в неведение о том, указывают эти стрелки в одном или в разных направлениях, появилась малышка.

Ее слова: «Узнаешь первым...» – заставили меня вздрогнуть потому, что я отлично понимаю, что для некоторых новостей я попросту стар, а она – нет.

Вообще, своими словами, она не раз заставляла меня вздрагивать, и не всегда мне удалось это скрыть. Однажды она сказала мне:

– Трусишка, когда-нибудь я скажу тебе: «У тебя от меня родился сын...»

Народ в нашем дворе, как и во всей стране, проживает простой и бесхитростный. И когда соседя собака покусает, мы не злобствуем. Потому, что понимаем: какое нам дело?

А, все-таки, приятно.

Ну, а когда молодая красавица, да еще и успешно делающая карьеру, ходит по двору, то – ничего не сказать по этому поводу, это уже почти – жизнь проходит мимо.

– Может она просто маленькая, полоумная проститутка? – услышал я как-то. Мы скрываем наши отношения, и я не могу заступаться за нее открыто:

– Если проститутка, значит не полоумная, если полоумная, значит не проститутка...

Не знаю, как к этому относиться, как вообще не знаю, как относиться к ней самой.

Я на год старше ее отца – моего бывшего регулярного собутельника, и иногда смотрю на нее, как на дочку. И довольно часто ловлю себя на мыслях о том, одела ли она шарф в ветреную погоду, взяла ли зонтик в дождь – наверное, такое отношение к красивой девушке, это, действительно признак старости.

Ну, что же, в любом возрасте есть свои достоинства и свои недостатки...

– Что-то случилось?

- Я сдала сессию. Теперь я дипломница, но пока ничего не случилось.
- А когда случится?
- Сейчас, – ответила она, выскальзывая из джинсиков...

В момент самой приятной в мире усталости, я прошептал:

- Знаешь, чем ты отличаешься от обычного ангела?
- Чем?
- Ты ангел в натуральную величину...

Уже много лет, как сформировалось мое отношение к женщине.

Я совсем не против женщин в бизнесе или политике, больше того, меня коробят разговоры о том, что главным занятием для женщины должно быть продолжение рода – продолжение рода, это дело двух людей, и женщины, и мужчины. И я не согласен с тем, что место женщины у плиты на кухне. Кстати, лучшие повара, всегда мужчины.

Для своей женщины, я определил место в моей жизни.

Женщина – это вдохновляющий фактор. И она, подарок даже не от нее самой, от судьбы.

Притом, что я не верю в судьбу.

А в женщину – верю...

...Моя третья жена, Людмила, появилась в тот момент, когда еще не успела закрыться дверь за малышкой, и я вспомнил, что вчера она звонила мне:

– Слушай, ты все равно дома сидишь, а мне нужно к вам заехать. У вас там хорошие стоматологи. Запиши меня, а то они записывают только своих.

Не знаю, насколько я свой для наших стоматологов, так как те несколько зубов, что у меня до сих пор сохранились, я никак не соберусь отремонтировать, но ответил:

- Хорошо, – потом, не удержался и слегка схамил:
- Только у меня к тебе будет одна просьба.
- Какая?
- Зайди ко мне до стоматолога, – и тут же получил оценку своих слов:
- Хам, – довольно верную, в данном случае, кстати...

...Один мой знакомый спросил меня как-то:

– Как ты не путаешь своих жен? – и, наверное, он вполне мог бы получить в ответ совершенно справедливые рассуждения о том, что каждый человек незаменим, но у меня было иное настроение:

– Когда-то, очень давно, мне пришлось жить в коммуналке с одним соседом, а мой товарищ, Болягин, известный тем, что все парикмахерские в Москве, были украшены его физиономией, или, вернее, прической на ней, жил с двенадцатью соседями, и на мой вопрос: «Не тяжело ли ему?» – ответил:

– Не тяжело. Потому, что когда ты заходишь в ванную, тебе нужно думать: мое мыло, или не мое? А мне думать не надо – точно не мое, – а потом, с грустью, которую даже не попытался скрыть, я добавил к этому рассказу:

– Вот так и мне теперь с женами – все они, уже не мои...

– Время – час, а ты еще в постели. Хорошо живешь, – несколько удивленно проговорила жена, хотя и бывшая. И в ее словах мне почему-то послышалось не осуждение никчемности моего существования, а некоторая утаенная зависть. Такая, что я даже попытался оправдаться:

– Я тебя записал к стоматологу, – какой я все-таки молодец, что не забыл это сделать.

– Спасибо, – ответила Людмила, но при этом, мне показалось, что в ее глазах появилось что-то кровожадное.

– Извини, я сейчас встану, – сказал я.

– Не надо...

Так получилось, что в своей жизни я видел очень многое: северное сияние и корабли на морском дне, раздражающую очередь на «Джоконду» и ажиотаж вокруг Пеле на поле, я видел даже землетрясение в Средней Азии, а вот что такое цунами, мне пришлось ощутить только теперь. И ей богу, землетрясение – это ерунда, по сравнению с тем, что произошло через две минуты после того, как моя третья жена вошла в мою среду обитания. А как она кричала:

– Импотент!!! Мерзавец! Сволочь! – и снова, – Импотент!!!

Я не совсем понимаю, почему в пятьдесят два года, импотент, это обязательно сволочь, но предпочел не входить в дискуссию и помалкивать, храбро спрятавшись под одеяло. И этим спас себя.

Цунами, это не долговременные затяжные дожди. И последним было что-то о том, что от таких, как я, помощи ждать нечего, даже в том случае, если захочешь купить себе новый кожаный плащ.

И тогда я перехватил инициативу:

– Тебе не хватает двухсот долларов?

– Откуда ты знаешь?

Мне удалось, озадачит Люду в третий раз подряд. Кажется, первый раз в жизни:

– Я вообще знаю многое из того, что меня не касается.

Если от любви до ненависти один шаг, то от ненависти до любви должно быть не больше. Об этом говорит теория комплексных векторов, а мне всегда казалось, что наука куда ближе к реальной жизни, чем мы обычно думаем.

И законы Ома и Ньютона – это законы не физики, а жизни.

– Вообще-то, верно. Мне нужно двести долларов на кожаный плащ, но я все равно не пойму, откуда ты это знаешь. Кому-то еще покупал?

Я молча протянул ей зинины двести долларов, а Людмила оценила мое молчание как знак согласия:

– Ты, как господь Бог, всех своих одеваешь в кожу.

– Этим занимался не Бог.

– А кто?

– Феликс Дзержинский...

– Спасибо.

– Да, ерунда. Они как раз получились лишними.

– Думаю, что у... – она назвала фамилию всем известного олигарха, – никогда не бывает лишних денег.

– Одно отличие меня от него, мы нашли.

– Я не очень твердо уверена в этом, но, по-моему, иногда ты – лучше. Особенно, когда ты в небольших количествах. То же самое, ты говоришь обо мне.

– Что, я говорю?

– Что я гармонична, красива, ношу очки, и в маленьких количествах очень полезна. И даже знаю, как ты меня называешь.

– Как?

– Кобра.

– Откуда ты знаешь?

– Я, вообще знаю многое из того, что меня не касается...

– Вообще-то, мы все не молодеем. Но ты, все-таки, займись спортом. А-то, пополнел, – проговорила Людмила.

Так, между прочим, но мне пришлось ответить:

– Вот куплю кроссовки, и начну бегать по утрам.

– Кроссовки лежат у двери.

– Они рваные.

– Начни бегать. И еще помни, что иногда, люди в стоптанных ботинках могут кого-то заинтересовать. Люди в рваных кроссовках не интересуют никого и никогда...

После ухода Людмилы, в мою жизнь очень своевременно просунул свой красный нос сосед, который, когда-то давно, когда мы познакомились на лестничной клетке, представился:

– Витя, пьющий интеллигент.

Потом, а это случилось еще до того, как мне в голову пришла простая и здравая идея бросить пить, глядя на свое отражение в зеркале, я ответил ему.

А может, себе:

– Если пьющий, значит не интеллигент...

Микрорайончик мне достался так себе, средненький.

Рабочий, хрущобостроенный. Помесь между каменными джунглями, джунглями обыкновенными и необжитой тундрой. Правда, по весне, когда тает снег, он чем-то напоминает Венецию.

Когда, по причине полной никчемности встали по стойке: «Смирно!» – все заводы и заводики в округе, встали по этой же стойке и люди, работавшие гегемоном.

Эта гегемония меня с детства удивляла. После школы, те, кто учился получше, пошли в институты доучиваться на интеллигентскую прослойку, а троечники на завод – образовывать ведущий класс, гегемон.

Класс самой простой в мире профессии. Профессии, которой можно обучиться прямо на рабочем месте.

Да, что там, мой микрорайон – пол области такие.

Приезжаем с сыновьями на рыбалку. От Москвы – час езды. В поселке нет даже пивного ларька, и все безработные.

На обратном пути остановились у озера, машину помыть. Ведерком.

Появляется абориген, рожа – ярче красного знамени. Я ему говорю: «Взял бы шланг – в день штуку заработаешь, за столтник машины обливая,» – а он мне:

– Что бы я на вас, буржуев, работал?! Да лучше я буду как...

– Как дурак, – перебил его мой старший сын, а я попытался вступить за своего современника:

– Он не виноват. Наше поколение... – но меня перебил мой младший сын:

– Знаешь, папа, ничего у нас в стране не изменится, пока ваше поколение будет – вашим поколением...

Явившийся ко мне сосед не стал играть в молчанку:

– Петь, вот какое дело, – Витя начал обстоятельно, но блеск в его глазах, выдавал спешность ситуации. В перерывах меду запоями, он подрабатывал на рынке.

Негоцианствовал, так сказать.

Но сейчас был явный запой, и колонизированный индивидуальным пьянством, он напоминал свежесамаринованный помидор:

– Петь, еже ли, великая катастрофа, скажем социализм или эпидемия в мировом масштабе, то тут, как говорится, ничего не поделаешь. А вот, когда проснешься, руки дрожат с похмела, тут, как я понимаю, думать надо, – такое напряжение мысли исчерпало силы соседа, и он не на долго затих. Потом поставил вопрос ребром:

– У тебя водка есть?

– Ты же знаешь, что есть.

– Хорошая?

Вот и дожили до времен, когда стали водку делить на хорошую и плохую.

Мне-то всегда казалось, что водка, как теща или налет вражеской авиации, может или быть, или не быть, а хорошей или плохой она быть не может.

Если мы водку на хорошую и плохую делим – как уж тогда относиться к тем, кто нас окружает?...

Но сосед был не прост, и решил досконально проверить меня на широту души:

– А огурец у тебя есть? – по выражению его лица можно было понять, что человеку можно простить любой недостаток, но только не то, что у него нет огурца.

Кстати, соленые огурцы мне принесла малышка:

– Я рассказала маме, что у тебя нет соленых огурцов, и она передала тебе банку своего посола.

– Что ты, ангел, еще маме обо мне рассказывала?..

...После ста грамм с огурцом с Витькой можно было разговаривать:

– Дело есть, – приступил я.

– Говори.

– Я новый холодильник в прошлом месяце купил. Нужно старый выбросить.

– Сколько весит?

– Литр, – ответил я, и тут же получил представление об энтузиазме комсомольцев первых пятилеток. Три «энтузиаста» появились передо мной со скоростью, наводящей на мысль о том, что скорость света может быть преодолена, если не в масштабе всей вселенной, то хотя бы в пределах нашей лестничной клетки.

Двоих энтузиастов я просто знал в лицо, третьего даже по имени – Веняминыч. Объединяло их одно, все трое были алкоголиками, и, возможно, потомственными.

Меня всегда смущала борьба с алкоголизмом, потому, что бороться нужно не с алкоголизмом, а с тем, что к нему приводит.

В конце концов, число алкоголиков ограничено.

Их никак не может быть больше, чем по одному на человека...

Работа на моей кухне, что там, закипела, забурлила. Но наблюдать я этого не мог, потому, что вновь зазвонил телефон, и мне пришлось убедиться в том, что новости бывают не только плохими:

– Здравствуйте, дорогой Петр Александрович. Очень рад приветствовать Вас, – звонил издатель не большого альманаха Константин Иванович, старый российский интеллигент, человек, умевший произносить слово: «Дорогой», – так, что оно не было проходным словом, а слово: «Вас», – так, что оно звучало с большой буквы, без всякого лицемерия.

– Что ты можешь сказать о Константине Ивановиче? – спросила меня малышка, после того, как передал ему ее стихи, и их опубликовали в одном сборнике с моим рассказом, – Он ведь сделал так, что мы и там оказались рядом.

– Он не ругался матом вчера, и не будет ругаться матом завтра...

Сейчас мат является одной из форм проявления свободомыслия для людей, еще не знающих не только того, что такое свободомыслие, но и того, что такое мысль вообще, но уже успевших разочароваться во всем, от президента Ельцина до порнушки на видеике. Он проникает с улицы не только в обыденное общение, но и на сцену и страницы книг, и я понял, почему это происходит.

Мат – это форма общения плебеев...

Интеллигенция у нас теперь безразмерная.

Раньше ее ограничивала аристократия сверху, и обыватели снизу. Потом, когда и аристократия, и обыватели были уничтожены, а на их место взгромоздилась чернь, солидарная, крикливая, неталантливая, интеллигенция расплзлась, растворилась в окружающем ее пространстве.

И потому, сейчас легко быть интеллигентом, потому, что – что это такое – никто не знает.

Когда я говорю об этом, некоторые, начинают меня обвинять во всем сразу, даже в том, что я никогда не говорил. И главным аргументом, является – самый идиотский:

– Ты – не патриот.

А патриотизм, между прочим, это лучший источник гонораров в творческих профессиях, но об этом у «патриотов» говорить не принято.

Мои вялые возражения о том, что я не понимаю, что такое – патриот, потому, что любовь к месту своего рождения, как и любовь к матери, совершенно естественна для любого живого организма, а уважения к тем, кто называет себя патриотами в Госдуме, я не испытываю ни малейшего, никто не слушает. И на мое:

– Что такое наш, доморощенный патриот – партбилет и евангелие – в одном кармане?

Обычно следует какая-нибудь галиматья:

– Истинный патриот всегда центрист.

Центризм, по-моему, это союз импотента со старой девой.

Каким же нужно быть прохвостом, чтобы стать центристом во времена перемен? И каким же нужно быть посмешищем?

– Понятно, – время от времени отвечаю я на попытку слить патриотизм и центризм в одну канистру, – Помесь поноса с запором...

– Это же наша патриоты, – слышу я иногда. Что поделаешь, больше, чем художники, глупостей слышат только их картины...

Но у меня есть ответ:

– Глисты у нас тоже наши...

Недавно в союзе составляли какую-то справку обо мне, и оказалось, что мои картины находятся в семидесяти двух странах мира. Совсем не плохо.

Для справки.

И для того, чтобы подумать о том, кто сделал больше для славы российских берез – я, или все патриоты Московской области вместе взятые?..

Писать то, что я люблю – это моя работа.

С другой стороны, недавно мне, не помню по какому поводу, пришлось писать автобиографию.

Автобиографию я написал.

А потом, перечитав этот своеобразный полу-документ, полу-исповедь, только без отпущения грехов, я понял, что, кроме всего прочего – это список того, что в жизни вполне можно было бы и не делать...

– Ты не любишь родину, – это последний аргумент, когда аргументов нет и в помине.

– Я не люблю грязные подъезды и вороватых чиновников.

И еще, любишь Родину, так не будь при ней нахлебником. А-то, придурку сорок лет, косяя сажень во лбу, а – туда же: «Государство обо мне не заботится...»

– Почему же тогда, ты не уезжаешь?

– Потому, что хочу, чтобы моя Родина стала такой, чтобы ее было за что любить, – я иногда впадаю в патетику, хотя и понимаю, что это глупо. И мне почти нечего ответить моим детям, когда они говорят:

– Ты разошелся как районный агитатор.

Разве, что:

– Один районный агитатор достиг больших успехов, правда, не сразу.

– Кто?

– Иисус...

– ...Хочу Вас обрадовать, Петр Александрович, – сказала мне телефонная трубка голосом Константина Ивановича, – Ваш рассказ одобрен, принят, подписан к печати и уже сдан в набор, – удивительная вещь, у приятных людей всегда приятный голос, а у неприятных, не голос, а черт знает что, – Так, батенька, жду Вас к себе на чай.

– Спасибо, Константин Иванович.

– А я бы сказал так, Вам, батенька мой, спасибо...

В своем прошлом, мне не раз приходилось иллюстрировать чужие слова. Иногда яркие, но, как правило, такие серые, что положишь их на белое, будут белыми, положишь на черное – черными, на красное – красными, на коричневое – коричневыми.

И каждый раз меня не удовлетворяла не работа, а соучастие, потому, что очень многим из тех, на кого я работал, нечего было говорить. Приблизительно тогда же я познакомился с Константином Ивановичем, и однажды он спросил меня:

– Понравилось?

– Нет, – честно ответил я.

– Что не понравилось? Иллюстрировать?

– Мне не понравилось читать то, что я иллюстрировал.

– А вы напишите, батенька мой, то, что Вам понравится читать.

И я написал, вначале один рассказ, потом другой, потом третий.

Наверное, я просто пришел в ту фазу, когда могу заниматься тем, что мне нравится...

Иногда, когда я говорю об этом, посторонние люди дают оценку этого состояния:

– Вы счастливый человек.

– Нет, – отвечаю я.

– Почему?

– Потому, что только тогда, когда занимаешься тем, что нравится – понимаешь, как много не можешь...

Я стараюсь писать интересно, потому, что еще недостаточно известен, как писатель, для того, чтобы писать скучно.

Во всяком случае, я стремлюсь к тому, чтобы мои тексты были современной хорошей литературой.

– Что такое – хорошая современная литература? – спросил меня как-то мой товарищ Андрей Каверин.

Я ответил.

Потому, что ответ я знал:

– Хорошая литература – это та, что рассказывает о своем времени интереснее и умнее, чем само время рассказывает о себе.

А современная литература – это литература для людей, за которыми будущее...

Вряд ли мои рассказы читали многие, но многие мои знакомые цитируют их довольно часто. И здесь я думаю, что дело в том, что книги, как и картины должны писаться о большем, чем в них написано...

Метод у писателя может быть самым разным.

Для того, чтобы описать работу бармена, Хейли устраивался на работу в бар, а Хемингуэй сидел в баре за рюмкой водки – и оба писали интересно.

Впрочем, мои дети считают устаревшими и того, и другого.

Я же, просто беру реального человека и ставлю его в обстоятельства, отношения с которыми интересно мне...

Критики пока не обращают внимания на мои рассказы – и на том спасибо.

Интересная вещь – критика. Люди живут не тем, что делают что-то хорошо, а тем, что кто-то другой делает так, что им это нравится или не нравится.

Критик считает себя специалистом, и на этом основании судит.

Забывая, что книги, как и картины, пишутся не для специалистов.

Кстати, специалисты-критики все новое и интересное от импрессионизма до абстракционизма, от Марка Твена до Хемингуэя, как правило, успешно прохлопывали ушами.

Однажды, мой старинный приятель поэт Иван Головатов, врач по образованию, показал мне пачку критических рецензий на свои стихи, а потом спросил:

– И после этого, ты хочешь знать, почему я вернулся в гинекологию?..

...Возня на моей кухне, постепенно переместилась в коридор, а потом и на лестничную клетку. Минут через двадцать после того, как она затихла на улице, энтузиасты появились вновь. Просто так уходить с двумя бутылками водки, им не хотелось, и Веньяминыч пустился в рассуждения:

– Знаю я, эти старые холодильники. Громоздкие, шумные. Все пространство занимают, а пользы мало. Даже никакой пользы для современной жизни, а выкинуть трудно.

– Такое бывает не только со старыми холодильниками.

– А с чем еще?

– С марксизмом, например.

– Начальник, – мгновенно прореагировал Веньяминыч, уходя в конкретику, но при этом, в нее не вдаваясь, – Ставь еще литр, мы его мигом выкинем из твоей квартиры.

– Ну, это вряд ли.

Веньяминыч задумался, и, наверное, пришел к выводу о том, что заломил за марксизм слишком большую цену:

– Ладно. Давай мы его выкинем за полбанки...

На первый взгляд, события, происходящие в нашей жизни, не связаны между собой, но на первый взгляд, и звезды на небе между собой не связаны...

Холсты просохли, и я вполне мог бы сесть за работу. Но это не удалось, потому, что опять зазвонил телефон.

В своей жизни, я не раз создавал себе проблемы тем, что что-нибудь говорил. Кстати, чем, что я молчал, я никогда не создавал себе проблем.

Приблизительно год назад, я отказался подписывать коллективную бумагу с требованием демонтировать памятник Петру, и мне казалось, что мои аргументы очевидны:

– Мы, художники не должны требовать разрушения произведения другого художника на том основании, что оно нам не нравится...

Между прочим, я единственный из всей нашей секции, кто имел более-менее серьезное право быть не довольным памятником Петру, потому, что только я представлял свой проект этого памятника. Все остальные просто ругали, а это не очень интересное для меня занятие. Скорее это тинейджерство либерализма – имеешь право ругать, но не ругаешь – уже не либерал, а какая-нибудь гадость, вроде социал-демократа.

На самом деле, бороться «за», куда продуктивней, чем бороться «против». Правда, у борьбы «за» есть один существенный недостаток – бороться «против» можно ничего не умея.

Для того, чтобы бороться «за», нужно хоть что-то уметь делать...

Мой собственный проект заключался в том, что нос корабля, на котором стоит царь-реформатор, выступает из волны, которая, в свою очередь, переходит в плащ Петра. И в руке царь должен был держать, по моему проекту, не бумажку, наверняка с доносами, как я думаю, а ключ.

Ключ, это больший символ реформ, чем указ...

В первый момент, некоторые горячечные головы, предложили исключить меня из союза, но через некоторое время придворный скульптор стал лучшим другом нашего отделения, и появилось новое предложение – гордиться нашей с союзом принципиальностью. Меня даже стали цитировать.

И теперь мне позвонил председатель отделения и попросил приехать, потому, что я понадобился вновь:

– Срочно приезжайте, Петр.

– Что случилось?

– Это не телефонный разговор.

Я всеми силами моей души за личное общение. Но если в Союзе художников появились темы, которые нельзя обсуждать по телефону, то у меня не могло не образоваться мысли, которую я, правда, благоразумно не высказал председателю нашего отделения:

– Во всем мире шизофреники, страдающие маниакальностью, называются маниакальными шизофрениками. У нас – членами творческих союзов...

«Срочно,» – произнесенное нашим председателем, подвинуло меня на то, чтобы поймать частника, но мы попали в пробку и двигались к Москве со скоростью, на которой сверхзвуковой, многоцелевой истребитель СУ– 31 МКС стоит на месте.

Так уж выходит, что приблизительно половина денег, которые я за что-то плачу, вылетает впустую.

Знать бы заранее – какая именно половина – можно было бы жить не плохо.

Я заплатил водителю сто пятьдесят рублей – редко мне приходилось тратить деньги так бессмысленно, потому, что председатель сказал мне:

– В руководстве Москвы существует мнение, что нужно вернуть памятник Дзержинскому на его историческое место. Мы знаем ваше трепетное отношение к историческим памятникам. Вот так.

Иногда поставишь себя на место другого человека, а потом думаешь – ну и местечко ты себе выбрал.

Мне было бесполезно говорить председателю о том, что история сохраняется не памятниками, а мемориальными досками, а главное – правдивыми учебниками истории...

Памятники – это не свидетельства истории, а свидетельства того, как мы к ней относимся...

...Когда я вошел в зал, толковище живописцев было в стадии возгорания, только меня не хватало.

Выступала Галкина, которую за глаза называли Палкиной. Еще совсем не давно, она была секретарем комитета комсомола по идеологии в архитектурном институте, а теперь стала художественным критиком. Однажды кто-то сказал о ней:

– Палкиной нужно дать пятнадцать суток за изнасилование искусства, – а я не согласился:
– За изнасилование, этого мало, за изнасилование искусства – много...

Я не очень удивился, когда услышал от нее:

– ...Библия учит нас любить людей, – это была середина фразы, остального можно было и не слушать, чтобы впасть в тоску.

Вообще, я не часто злюсь, не больше ста раз в день, но тут Галкина меня достала – как будто, кроме как о том, в чем мы не разбираемся, нам и поговорить не о чем. Впрочем, именно о том, о чем мы не имеем понятия – чаще всего мы и имеем свое мнение.

Я сказал:

– Любить людей учит не Библия, а камасутра...

– В конце концов, мы предлагаем восстановить историческую правду, – попыталась продолжить, несколько озадаченная, Галкина.

– Есть вещи, куда более важные, чем правда, – сказал я, не обращая внимания на зарождающийся скандал.

– Что же это, например?

– Например, доброта...

– В конце концов, это просто скульптура, – Галкина умела быть неостановимой. И мне пришлось ответить ей.

И не только ей:

– Если памятник Дзержинскому, это просто скульптура, значит мы рабы...

Когда я уходил, председатель секции отвернулся, сделав вид, что не попрощался со мной, потому, что не заметил моего ухода.

Возвращаясь домой, я подумал, что меня, наверное, скоро вновь предложат исключить из союза. Это не такая уж большая неприятность потому, что творческому человеку совсем не обязательно с кем-то объединяться.

А может выяснится, что «шестерки» несколько переоценивают любовь нынешнего президента к Дзержинскому, а, следовательно, недооценивают нормальность нашего президента.

Тогда меня снова начнут цитировать.

Вообще, творческий союз, это место интересное. И некое представление о том, что это собрание единомышленников, верно только в том смысле, что единомышленниками можно считать и скорпионов в банке. Только одно ядовитое жало каждого, заменяется множеством более тонких жал – ревностью, амбициями, неудовлетворенным самолюбием, завистью к чужим успехам, а, иногда, даже к чужим неудачам.

Здесь дело не в том, что собираются негодяи, художники ничем не хуже других людей.

Скажем, поэтов или углекопов.

И каждый по отдельности, сам по себе, человек очень милый, и в смысле общения, превосходящий среднестатистического современника. Просто вместе им собираться нельзя.

Это противопоставлено самой природе процесса, потому, что любой, кто занимается творчеством, индивидуалист по природе.

По природе творчества.

И исключения, вроде Кукрыниксов, только подтверждают это уже тем, что являются исключениями. А то, что в любом творческом союзе больше всего людей, не имеющих к заявленному творчеству никакого отношения, делает союз довольно комичной помесью между базаром и вокзалом.

С другой стороны, союз гарантирует некие привилегии, от пенсии до возможности взмахом красной книжицы, продемонстрировать божью отметину.

О том, что это, возможно, каинова печать, остальные люди не знают, да и не надо им этого знать.

За свои услуги, союз изредка берет чисто символическую плату безропотностью при соприкосновении с лицемерием.

Впрочем, и здесь, он прикрывает каждого своей массовостью, как сумерками.

Никакими реальными льготами теперь никто из членов не пользуется, потому, что дефицита нет. Нечего доставать, ни путевку в дом отдыха, ни мебель для спальни. Все равно, за все нужно платить деньгами, и я совсем не думаю, что деньги изобрел дьявол.

Дьявол изобрел дефицит.

Вернее, то, что к нему ведет...

Когда я открывал дверь, телефон уже звонил:

– Привет. Есть заказ на портрет большого человека.

– Заказ – это хорошо.

– Какие у тебя отношения с коммунистами?

– Нормальные. Меня от них тошнит.

– Ну, это у тебя личное.

– Нет, общественное...

Звонил Эдик, один из тех, что все знают, но ни к чему не имеют отношения. Иногда он поставлял мне заказы, при этом, наверняка, не плохо наживаясь на мне – вокруг любого художника, величиной больше мизинца, таких эдиков крутится целая стая. И, в определенном смысле, их число – это критерий величины художника.

– Мне казалось, что твоя жизнь это учебник здравого конформизма, – проговорил он.

– Учебник здравого конформизма – это светофор на перекрестке, – проговорил я...

То, что я не символ принципиальности, мне понятно давно. Это в наше-то время, когда выясняется, что я единственный, кто был комсомольцем, ходил на выборы и на демонстрации. Так и встает картина из прошлого: на мавзолее все политбюро, а по Красной площади, в гордом одиночестве, бреду я с тысячей транспарантов на плече.

Больше того, по всему выходит, что именно я привел президента Ельцина к власти, потому, что один я за него голосовал. И я один не знал того, каким плохим он станет президентом.

Кстати, я и сейчас этого не знаю...

Правда, в отличие от многих своих современников, я знаю то, какими плохими лидерами были предшественники первого президента: Ленин, Сталин и далее, по списку...

– ...Тогда, ладно, – после некоторого молчания проговорил Эдик, – Только для тебя. Ребята из Госдумы заказали Путина. Во весь рост.

– Великий русский язык, – вставил я, а про себя подумал о том, что если депутатов законодательного собрания Эдик называет «ребятами», то интересно было бы знать, как он зовет меня в кругу своих оболтусов.

– Ты понимаешь, какие это деньги? – не унимался Эдик, – Возьмешься?

– Нет, – трудно было объяснить Эдику, что мне, художнику, совсем не безразлично, каким образом эти деньги зарабатывать.

Уж если хочешь зарабатывать большие деньги, то иди работать в банк.

Наверное, у меня вполне хватило бы ума понять, где нужно подучиться в этом случае.

Только, в этом случае, это был бы уже не я, а совсем другой человек.

И, возможно, совсем не худший, чем тот, что есть.

Просто, другой.

– Ты, что, не любишь нашего президента? – Эдик пустил в ход, довольно широко распространенный среди подхалимов и просто прохвостов, аргумент.

– Люблю. Только боюсь, что он об этом не догадывается...

– Ты понимаешь, что если выгорит, то это такие деньги, что уже не деньги вовсе, а счет в банке? Возьмешься?

– Нет. Дело в том, что президент не вдохновляет меня написание картин, и я не верю тем, кого написание картин президент вдохновляет. Вот соседка-барменша вдохновляет, а президент – нет.

Хотя голосовать я, наверное, пойду за президента, а не за соседку.

Видимо, выбор президента и выбор темы для картины – это совсем разные вещи.

Почему-то мне кажется, что президент понял бы меня, если бы слышал наш с Эдиком разговор. Ведь наш президент, это обычный нормальный человек.

Только те, кто его окружает, все время боятся и ему, и себе об этом сказать.

...Очень давно, когда я болтался по Уральским горам, меня попросили написать портрет Брежнева для секретаря местного райкома.

– Задница, – просто сказал тогда Ваня Головатов, толи обо мне, толи о Брежневе, – Помни, у генсека, задница такая большая, что начинается с задницы секретаря провинциального райкома...

– Ты считаешь, что у нас плохой президент? – все пытался докопаться до истины Эдик.

– Я ничего такого не считаю. Особенно, по сравнению с нами самими...

Дальше трепаться с Эдиком мне не позволил звонок в дверь.

Очень приятный звонок, потому, что своего старшего сына, я не видел давно.

– Сашка! Откуда ты? – только и оставалось сказать, – Мама говорила, что ты ездил в Бельгию.

– Это, пап, было давно. Я теперь из Швеции.

– Ну, проходи же.

– Пап, я на минутку. Мы не в Шереметьево сели, а во Внуково.

– Ну, что же так?

– Папа, не обижайся. На днях приеду, все расскажу, а сейчас меня такси ждет. А это тебе, – он протянул сверток, – Нам конфет там надарили, просто засыпаться. Ты извини, они в пакете, мы их с реквизитом через таможенную провозили.

– Ты лучше маме конфеты отвези.

– Папа, всем хватит. Ну, я побежал.

– Подожди. Какие хоть у тебя планы?

– Пап, буду пока в Москве. Предложили в мюзикле поработать.

– А что такое – мюзикл?

– Опера.

Для второгодников...

Вот и пообщался с сыном. Я понимаю, что у них своя жизнь, вспоминают – и на том, спасибо. И не обижаюсь.

Да и обижаться мне оказалось некогда. Позвонила Анастасия:

– Как у тебя настроение?

– Нормально. Обоих сыновей повидал, – об остальном мне не захотелось ей рассказывать, – Хорошие у меня сыновья.

– Нормальные. Только молодые еще.

– Быть нормальным никогда не рано...

– Работаете?

– Сейчас сяду.

– Я хотела тебе сказать, что я тебя, Петя, уважаю, – такое, я от Анастасии слышу впервые.

Ей богу, она, казалось, плакала:

– И всегда уважала.

– Что случилось?

– Этот помощник спикера. Это такая какашка. Два часа подержал в приемной, а потом сказал, что занят. И денег я теперь не получу.

Ты бы так никогда не сделал, – кажется, она в этот момент совсем не задумывалась над тем, что, прежде всего, я никогда не буду помощником спикера, – А вообще-то, ты правильно сказал когда-то.

– Я, Стася, часто говорю правильно. Я редко правильно поступаю.

– И все-таки, когда мы познакомились, ты очень хорошо сказал.

– Ты, милая, не слишком внимательно меня слушай. А-то, ведь я часто глупости говорю.

– Нет. Тогда ты очень здорово сказал. Обобщающе.

– Я уже и не помню, – проговорил я, а телефонная трубка донесла до меня появившуюся сквозь слезы Стасину улыбку. Что-то вроде солнышка в грибной дождик:

– Ты тогда сказал: «Ной – не ной, а деньги будут...»

Анастасия и не подозревала того, как близка была к истине в то время, когда я собрался сесть за работу. Кстати, любимая работа – это очень простая вещь. Я могу заниматься ей в любое время, и только усталость может меня остановить.

Труд художника – это тяжелый труд, но он стоит особняком, потому, что это труд благодарный. Ни врач, ни юрист не имеют такой бескорыстной благодарности, как художник. И, в отличие от других, в отличие от писателя, композитора или певца – благодарность художнику, как правило, персонифицированная. Его благодарит не человечество, а совершенно конкретный человек – тот, кому, в конце концов, достается картина. А вот ругают художника от имени человечества, как и поэта. Адвоката или врача, наоборот, ругают реальные люди.

Есть еще одно отличие работы художника от всех остальных работ. Для любого человека, эффективный труд это условие материального благополучия, а, следовательно, свободы. Только для художника свобода является условием эффективного труда.

Никогда я не испытывал проблем с состоянием, которое обыватели называют вдохновением. Никогда у меня не было недостатка в темах. Наоборот. Скорее мне не удается успевать за замыслом.

Картины свои я строю особенным образом. Этому научил меня профессор Плавский, у которого я учился. Между прочим, как выяснилось потом, меня одного, из всех своих учеников:

– Если ты пишешь цветы, думай о том, для кого они собраны. Если пишешь берег реки, думай о том, с кем бы ты хотел оказаться на этом берегу.

И теперь я понимаю, что букет для матери отличается от букета для любимой девушки, и стараюсь передать это. А когда я пишу дерево, я представляю не дерево, а то, что я хотел бы гулять под этим деревом с красивой женщиной.

В природе я передаю свое настроение, и потому, мои пейзажи не о природе, а о человеке. Луч солнца, для меня, важнее, чем выписанная ветка.

И потому, когда обычные художники пишут сарай, у них получается сарай, а у меня – уют отшельника или место встречи влюбленных – в зависимости от того, что я хочу сказать.

Искусство богаче, чем настаивание на сходстве. Да и вообще, любовь к выписанному сходству, по-моему, это удел провинциалов...

И вновь меня отвлек телефонный звонок. Звонок от одного из более-менее постоянных заказчиков:

– Добрый вечер, Петр Александрович.

– Добрый вечер. Впрочем, я и не успел заметить, как он наступил.

– А у меня к вам просьба.

– Решим все проблемы. Если сумеем.

– Помните, я покупал у вас картины для моих датских друзей?

– Я помню все свои картины.

– Теперь другие датчане, уже их друзья, попросили меня привести еще две картины. Если можно, сорок на пятьдесят.

– Может легче купить им что-нибудь на вернисаже?

– Вы знаете, Петр, они очень просили именно ваши картины. Говорят, и я с ними в этом согласен, что ваши картины ни с чем нельзя спутать. В том смысле, что – сравнить.

– Спасибо. Я, кстати, давно хотел поэкспериментировать с туманом и радугой.

Кроме всего прочего – это ведь символы человеческой души в природе.

Их устроит?

– Все, что угодно. Полностью доверяюсь вашему выбору.

В этом отношении, вашему вкусу я доверяю больше, чем своему.

– Когда нужны картины?

– К завтрашнему утру...

...Я довольно часто сравниваю себя с великими предшественниками. Откровенно говоря, сравнение это постоянно, оказывается в их пользу, а не в мою. Но это не все – сравнение, как правило, оказывается еще и в пользу их времени

Когда-то Леонардо неделю постился перед тем, как приступить к работе. А сегодня, в шесть часов вечера, меня просят написать две картины к завтрашнему утру.

В конце концов, в этом есть чисто механические проблемы:

– Они не успеют высохнуть.

– А помните, вы как-то их упаковывали, когда я заказывал вам картины для моих друзей в Омске.

– Будут трудности с транспортировкой.

– Никаких проблем. Я лечу на собственном самолете.

Этот человек никогда не дает мне понять то, что он богат, а я нет. И потому никогда не платит мне больше, чем я прошу.

А я никогда не прошу у него больше, чем обычно. Тоже не даю ему понять, что я не богат, а он богат очень...

Когда садился за мольберт, я подумал: «Ну, ничего – работать я все равно должен был сегодня, потому, что в мире ничего вчерашнего еще не разу не было»...

В тот момент я не знал, что самое главное и сложное мне еще только предстоит.

Начиная работать, я обычно отключаю городской телефон. Если что-то срочное, можно позвонить на мобильный.

И мобильный телефон зазвонил:

– Папа, помнишь, я привозил к тебе своих друзей-искусствоведов, – Звонил Сережка. Вообще-то дети не балуют меня суточной многообразием общения. Но я не насторожился, – Я сегодня встретился с ними, и они сказали, что у тебя хорошая техника, но нет своего творческого лица. Ты пишешь все – и абстракцию, и реальные картины, и импрессионистические.

– Просто, каждую задачу я решаю тем способом, который кажется мне адекватным.

– Но они говорят, что через сто лет тебя никто не поймет и не сумеет выделить.

– Знаешь, Сережа, перезвони мне на обычный телефон. Сейчас я его включу.

Встать со стула, включить телефон, дождаться пока сын наберет номер – все это занимает не больше минуты.

Ровно столько времени мне было отпущено судьбой на то, чтобы сформулировать отчет за все, что я сделал, делаю и буду делать в своей жизни, перед поколением своих сыновей...

– ...Искусство имеет, весьма двойственную, с точки зрения морали, цель. Оно делает события, от утра в сосновом бору до утра стрелецкой казни более значительными, чем они есть, на самом деле. И метод автора должен быть, по крайней мере, адекватен той цели, которую автор перед собой ставит.

При этом, массовое искусство, это не искусство потворяющее многим, а просто то, которое можно понять без дополнительной подготовки.

Кстати, по настоящему массовым искусство не было никогда, потому, что отношение к производству, это тоже творчество. Нечего ожидать всеобщего творчества, как не стоит предполагать, что у всех людей окажется идеальный слух. Хотя и существует естественный, и, по видимому, истинный критерий всякого результата – нравится или не нравится. Но и он предполагает, по крайней мере, интерес к предмету.

Массовое искусство отличается тем, что оно просто не требует ответа на вопрос: «Почему?»

В чем заключается находка нового творческого направления? В том, что новый человек уходит в то искусство, которое адекватно ему самому. То есть, в самом ему, равную форму.

А я работаю в той форме, которая оказывается больше, чем я.

И потому, мне удалось сделать то, что не снилось ни одному, даже самому гениальному, представителю ни одного, даже самого авторитетного и популярного, течения – понять и принять всех.

И, оттого, я очень комфортно чувствую себя на любой территории. Даже если эта территория чужая.

И с этой территории, я делаю свои шаги.

Я не часть целого. Я – целое целиком.

Мое творчество, это не создание нового зрителя с новым вкусом. Это обращение к зрителю, уже сформировавшему свой вкус. Это движение того, что есть к тому, что будет.

Это развитие, а не пристройка.

И потому, авангард искусства – я.

Пусть, не слишком известный.

Но ведь оттого, что моя деятельность малоизвестна, я не становлюсь непервым.

О том, что викинг Эрик Рыжий первым доплыл до берегов Америки, не писали газеты. Лишь, через много веков, мы случайно узнали о нем, но разве от этого, он перестал быть первопроходцем. И, главное, разве ему было от этого проще и легче.

А то, что слава досталась Колумбу, так может, вперед ведет не слава, а ощущение того, что мир оказывается малым?..

Но, даже не в том, что я тебе сказал – самое главное.

Дело в том, что я создаю свой мир, а не копирую тот мир, который есть. Мои картины о том мире, каким окружающий нас мир только может и, по-моему, должен стать.

Художники, о которых говорят твои знакомые, иногда мастерски, пишут, скажем, берег реки и, в конце концов – елку или березу.

А, что бы ни писал я – я всегда пишу человеческие желания. И потому в их картинах сарай остается сараем, а у меня получается место встречи влюбленных или приют отшельника.

В их картинах нет ничего такого, что можно было бы не понять.

Они, даже если мастеровиты, но просты.

И потому, их картины могут нравиться или не нравиться.

Но, их картины не способны удивить.

А мои картины удивляют.

И пусть в моих картинах что-то не понятно с первого взгляда, но они адекватны сложности и многообразию содержания того мира, о котором я стараюсь рассказать.

И еще: главное – я всегда пишу наше желание завтра жить лучше, чем сегодня.

А, значит, мои картины о мечте.

После моих, довольно сбивчивых слов, несколько секунд и я, и сын молчали. Потом он сказал:

– Ты, папа, не обижайся на них. Они не искусствоведы, а помесь интернета с Нострадамусом. Кстати, папа, а ты сегодня чего-нибудь ел?

Когда я пошел на кухню, то обнаружил, что у меня нет хлеба...

Пока я бродил по словам, вечер действительно наступил.

Оставалась не много – то, чем я, собственно, собирался заняться с утра – поработать.

Теперь, когда стемнело, у меня, наконец, появилась возможность заняться этим.

И можно считать, что день прошел.
Довольно сумбурный день. Как все мои дни.
Не произошло ничего особенного, но произошло все, что должно и могло произойти.
В этот день кто-то помогал мне, и кому-то помогал я.
Я был лжецом и честным человеком.
Меня обвиняли мои враги и поддерживали друзья.
Я общался с художниками и халтурщиками.
Меня называли импотентом, и хвалили мои мужские достоинства.
К утру я заработаю тысячу долларов, из которых четыреста мне нужно отдать, и у меня нет целых кроссовок.

Меня называли художником, которого ни с кем нельзя спутать, и художником, не имеющим творческого лица.

Я решал чужие проблемы и создавал свои.

В моем доме нет хлеба, но много конфет.

Самый обычный день.

День длинный...

– А жизнь?..

...*Короткая*...

Невероятная и веселая история о Маринке, деньгах и многих других вещах

В своем философизме, я, возможно, приближаюсь к классикам этой науки. Во всяком случае, мне не раз приходилось убеждаться в том, что я, как и отец диалектики, Гегель, ничего не понимаю в материализме, и, так же как основоположник материализма Фейербах, совершенно не смыслю в диалектике...

– Есть две вещи, которые не перестают меня поражать, – сказал мне как-то Андрияша Каверин, подающий большие надежды художник, – Закат на реке теплым вечером и моральные принципы Маринки.

Ну, что же, художнику нужно верить, даже тогда, когда он говорит правду...

...Я зашел в аптеку потому, что меня замучила бессонница. Такое со мной случается, когда я работаю слишком много или слишком мало. Первое происходит оттого, что совести не хватает моим заказчикам, второе – оттого, что мне.

Зачем в аптеку зашла Маринка, менеджер по продажам в Художественном салоне-на-Киевской, я, честно говоря, так и не понял:

– Да так, хотела посмотреть что-нибудь по женским делам. А-то муж не доволен.

– Что-нибудь возбуждающее? – зачем-то спросил я.

– Петр, ты что? Возбуждающее – мне? Успокаивающее.

В твои годы, ты должен лучше знать женщин, – хотя она завершила свое удивление довольно спорным утверждением, мне пришлось ей открыть главную мужскую тайну:

– Чем больше узнаешь женщин, тем меньше их знаешь...

– Ну и нашла что-нибудь? – спросил я.

– Вообще-то нашла. Только у меня денег нет. Одолжи двести, – я так и не понял – это был завуалированный вопрос или откровенное указание к действию. И потому ответил:

– На, – сказал я, чувствуя, что она легко заявляет свои права на все подряд.

Возможно, женщинам давно уже так же глупо говорить о своей бесправии, как мужчинам – о своих правах...

– А художники, вообще, много получают? – спросила Маринка, глядя на деньги, полученные от меня.

– Хватает...

...Чтобы обмыть гонорар...

– Хороший ты, Петя, человек. И денег тебе хватает. А у меня их никогда нет. Если бы я не была влюблена в Каверина, я бы обязательно в тебя влюбилась. Только Каверин влюблен в жену генерала, а ты – в журналистку Анастасию.

Я не удивился ее осведомленности, хотя и несколько искаженной.

Так, как все мы бродим по одному полю, то все про всех говорят, и все про всех слушают. О самой Маринке я слышал и то, что она не способна понять главного и вообще не умеет жить. То, что она отлично умеет делать и то, и другое, мне тоже приходилось слышать.

А однажды мне сказали:

– Маринка очень красивая, и просто претворяется, что глупая.

– Это не тоска, – ответил я, – Тоска, когда кто-то притворяется, что он умный.

– Почему?

– Потому, что для того, чтобы притвориться глупым – нужно море ума.

А для глупости и моря мало...

Потом я убедился в том, что Маринка не только красивая, но и умная, на столько, что может убедить любым способом. Просто ее ум доказывал преимущества разума, а красота – бессмысленность этих преимуществ...

– ...Может, – спросил я, чтобы как-то остановить мыслизлияния Маринки, – Может тебе денег одолжить?

– Зачем? – удивилась она.

– Ну, если ты такая бедная...

– Петя, я не бедная, – перебила меня Маринка, – . Бедные те, кто думает, что деньги могут решить все проблемы...

– ...Кстати, был со мной недавно такой случай: иду я как-то, никого не трогаю. Идей нет, денег, как ты уже догадался, тоже, – Маринка рассказывала толи мне не, толи самой себе:

– Смотрю, у Каверина окна настезь.

Ну, я и зашла.

Каверин обрадовался, и набросился на меня без всяких разговоров, будто я ему не любовница, а жена.

Когда я уходила, он подарил мне картину.

Пришла домой, говорю мужу: «Вот картину купила. Нужно Светке деньги отдать...»

Муж обрадовался, и набросился на меня без всяких разговоров, будто я ему не жена, а любовница.

А потом говорит: «Вот тебе деньги. И поблагодари Светку...»

Так и получилось. Ничего не было, а вышло, что: Каверин получил меня. Муж получил меня и картину. А я получила Каверина, мужа, картину и деньги.

А еще говорят, что из ничего, ничего не выходит.

– Ты сделала то, что пока не удалось человечеству.

– Что? – удивилась Маринка, видимо впав во всеобщее заблуждение о том, что просвещенному человечеству удастся все.

– Опровергла Ломоносова...

Маринка посмотрела на меня чуть внимательнее, чем обычно, и в этой внимательности, как мне показалось, проскользнула ирония, а потом сказала:

– Я еще и подтвердила Эйнштейна.

– Ты это о чем? – спросил я, несколько озадаченный не столько возможным опровержением гения, сколько тем, что фамилия Эйнштейн Маринке оказалась знакомой.

– Совместила пространство и время.

– А это – как?

– На даче у свекрови копала грядку от забора до одиннадцати часов...

Шутка – так себе. С бородой, по крайней мере, с тех времен, когда у меня самого еще бороды не было. Новизна была в том, что в моем представлении о природе вещей Маринка и Эйнштейн раньше как-то не пересекались.

За разговорами, мы добрались до моего дома. Хотя я и не уверен в том, что изначально Маринка планировала оказаться именно в этом месте.

– Зайдешь? – спросил я, – Перекусим. У меня есть сыр с плесенью. И за жизнь поговорим.

Маринка отреагировала глубокомысленно:

– А-то...

– ...Межу прочим, ты, Петя, знаешь, что у древних римлян обед состоял из двух частей. Во время первой части, обедающие разговаривали. Потом поднимались с лежанок и делали хотя бы один шаг для улучшения пищеварения. А во время второй части обеда появлялись женщины для развлечений.

– Ну и что? – посводничал я с историей, но Маринка опустила меня на асфальт:

– То, что первая часть называлась симпозиумом, а вторая – оргий.

Так, что от симпозиума до оргии всего один шаг...

...Маринка устроила мне настоящий праздник в координатах мироздания, даже с элементами баловства.

Причем безкондомно:

– Зачем он? Не надевай. Я тебе доверяю...

Никогда не думал о том, что презерватив может быть еще и мерой доверия.

Впрочем, с иной стороны, совсем не плохо: доверяю средствам массовой информации на четыре презерватива, совмину – на восемь, а президенту на целую дюжину...

Потом она сказала:

– Тот, кто думает, что секс существует только для продолжения человеческого рода – понятия не имеет, почему человеческий род так хочется продолжать...

– ...Петь, а у тебя есть кто-нибудь еще? – Маринка одевалась очень прогрессивно, пританцовывая, но ее прогрессивное любопытство натолкнулось на мое консервативное лицемерие:

– Никого... Кроме тебя.

– Ты когда-нибудь будешь говорить только правду?

– Если я буду говорить только правду, разве ты не сочтешь меня сумасшедшим?..

Уже уходя, Маринка повторила:

– Хороший ты человек, Петя. Даже жаль, что я влюблена в Каверина...

Потом она ушла, легкая, как человек и как его утренний сон.

Не как корабль или поезд, а как почтальон, приносивший из-за окоема доброе письмо.

А я остался и задумался над вопросом:

– Что же все-таки лучше?

Когда женщина, находясь с тобой, думает о другом, или, находясь с другим, думает о тебе?..

Совсем не плохая история о том, как я думал, что я умный

Папа, тебе, что трудно написать какой-нибудь простой, не очень большой рассказ? Не трудно. Потому, что рассказ – это кратчайшее расстояние между двумя разными взглядами...

...Лучше отрицать правду, чем ее компрометировать собой...

...Год проходил так себе, вполне нормально. Мне мало и редко приходилось платить за свои ошибки, и довольно регулярно и хорошо платили мне за мои удачи.

Меня любили женщины и не завидовали мужчины, и выходило так, что, не смотря на то, что у меня почти не осталось просто друзей среди первых, это не привело к тому, что у меня появилось много врагов среди вторых.

Я часто занимался тем, что люблю – работал, и редко – тем, чем терпеть не могу заниматься – бездельничал.

После заполнения очередной налоговой декларации, мне ничего не оставалось, как почесать затылок – я не знал, что мои дела идут так хорошо.

Пришлось даже усомниться в собственной интеллигентности – какой я, к черту, интеллигент, если получаю такую кучу денег.

Кстати, в налоговую мы ходили вместе с моим другом-поэтом Иваном Головатовым. Это очень интересный человек. С ним мы даже скупаем как-то слишком образованно: он – с Хэмингуэем, я – с Воннегутом.

Правда, на мой взгляд, ему иногда изменяет чувство юмора.

У меня декларацию приняли, а него нет: в графе «иждивенцы», – он написал: «Совет Министров», – а я проставил прочерк. В налоговой инспекции оказались сплошь невеселые люди, причем, как выяснилось со временем, по обе стороны барьера.

Удивительная мы страна – одинаково не любим и свои налоги, и свои дороги...

Были, конечно, и неприятности, но они оказывались мелкими, хотя и неподатливыми – как застёжки на лифчике желанной женщины.

А вообще, жизнь складывалась на столько удачно, что даже не потребовала постановки вопроса: нужен ли успех любой ценой? – оставляя мне довольно приемлемое: все для успеха!..

Пофигизм, охвативший страну, и затронувший, казалось, даже ангелов на небе, лентяев, кстати сказать, изначальных, прошел мимо меня стороной. Трудно в это поверить, но мне ни разу не предложили стать холуем для того, чтобы заработать денег.

Да и то – деньги не стоят того, чтобы быть холуем...

И с «патриотами» приходилось спорить очень редко, и я примирительно говорил: «Да, мы, конечно, великая страна», – хотя один раз не удержался и добавил:

– Правда у нас никто не знает, что такое биде...

Удалось по стране поездить, правда, не обошлось без некоторых казусов – гостиницу в Воркуте мне бронировала ФСБ.

- А что ФСБ делает на краю земли? – удивленно спрашивали меня мои знакомые.
- А что она делает во всех остальных местах? – удивленно отвечал моим знакомым я.

Моя самоуверенность была такой, что я ни в мелочах, ни в больших мелочах не пошел бы на поводу ни у одного человека. Исключение мог составить только мой бывший учитель Эдуард Михайлович Плавский.

Просто он лицемерил так редко, что можно было сказать и никогда. Я же позволял себе говорить: «Буду отчитывать за всю жизнь в целом, а не за каждый день в отдельности», – или наоборот. В зависимости от обстоятельств.

Честно говоря, я вообще уверен, что если приходится выбирать между ложью и подлостью, нужно выбирать ложь...

Художник Эдуард Михайлович Плавский заслуживал уважения уже тем, что во времена, когда власть – уверенно декларировавшая, что никто обязательно кем-то станет именно с ее помощью – требовала от художника быть непременно кем-то, выбрал для себя самую непрезентабельную, с точки зрения обывателя, позицию – он стал никем.

Эдуард Михайлович не ушел в диссиденты, и его не мучили гебешные допросчики и не лечили в спецбольницах КГБ. Поэтому о нем не шумела западная пресса.

Он не писал строгих ликов вождей и радостных лиц вождимых. Даже поганую даму с веслой или кривоного конармейца с саблем он рисовать не стал. И поэтому, о нем не писали ни наши, ни ненаши наши газеты.

Но на всякий случай его не выпустили в Болгарию, где даже «да» и-то изображается, как нет.

Таким был тот, застойный мир, что было не понятно, нужно ли гордиться заслугами перед ним. А вот отсутствием заслуг перед застоём, гордиться можно было точно.

Хотя он этого никому не говорил, но, наверное, у него были принципы даже в те времена, когда я так о многом не задумывался, что меня ни на что больше не оставалось.

Зато, теперь ему удастся то, что мне самому удастся не всегда – прямо смотреть в глаза своим сыновьям. Компенсация – так себе, для людей, которые так себе люди. То есть, для большинства из нас.

Он не выдвинулся в «народные», а так и застопорился на «заслуженном» – мечте провинциалов.

А еще он стал таким умным, что ему даже иногда не хватает ума.

Наверное, вообще, умный – это тот, кто способен что-то не понимать...

И то, что он не понимает, Эдуард Михайлович не считал странным:

– Станным, Петр, – сказал он мне однажды, – Станным было бы, если б люди понимали все...

– Почему вы один, Петр? – довольно часто спрашивал он меня.

– Я не один, – отвечал я, и мы оба знали, что это правда и не правда, одновременно, – Я не один. Вокруг меня много хороших женщин.

– Не понимаю, почему вы не женитесь?

– Я бы женился, – улыбался я, хотя кошки на душе и поскребывали, – Только все, кого я мог бы «ощастливить», уже замужем.

– Не все, – проговорил Эдуард Михайлович.

И на этом, наш разговор закончился.

... Однажды Плавский предложил мне съездить на его машине в салон на «Щукинской» – в некую столичную провинцию, время от времени поставляющую художникам деньги и получающую взамен околоредовые идеи от таких, как я.

Думающих, что они эти идеи имеют.

Мне там причитался небольшой гонорар, и я решил попользоваться машиной метра.

Знал бы я, чем это закончится – интересно, поехал бы я с ним или нет?...

... От «Щукинской», проехав эстакаду над двумя затонами, в которых одинокие рыбаки состязались с рыбой так активно, что забирались в воду по пояс, мы свернули не налево, к салону, а направо.

– Не удивляйтесь, Петр, я просто хочу познакомить вас с одной женщиной.

Мне нечем было ответить на эту незамысловатую уловку, и я просто промолчал.

В конце концов, мне не пришло в голову стать женоненавистником, даже после знакомства с очень многими женщинами...

– ... Я вам вот, что хочу сказать, Петр, – Эдуард Михайлович, на моих глазах превращался из нормального человека в доброжелателя. Впрочем, это его не портило.

Видимо, в этом деле существует самое универсальное оправдание – желание сделать лучше:

– Она, женщина нашего круга. Критик,...

Я промолчал потому, что никогда не считал критиков людьми моего круга, если, конечно, не иметь в виду геометрию Данте, потому, что критика – это месть разума чувствам, но слушал молча:

– Кроме того, сейчас она очень успешный менеджер, – беззастенчиво пользуясь моим молчанием продолжил Плавский, – Так, что, в любом случае, знакомство будет полезным.

– В любом случае, – подтвердил я, совсем не думая в этот момент о том, какими именно бывают случаи.

– Между прочим, – продолжал Плавский, – Она не берет ни каких «откатов».

И вообще, взятки не берет.

– А почему она не берет взятки? – спросил я.

– Ничего себе, страну мы создали, если один интеллигент спрашивает другого, почему его знакомые не берут взятки?..

Виктор Михайлович замолчал, перестраиваясь из левого ряда в правый, а перестроившись, переключил тему:

– Она не замужем, хотя весьма симпатична, и у нее очень красивые ноги.

Правда, довольно сложный характер.

– Если симпатичная, красивые ноги, и не замужем, то о том, что у нее сложный характер, я и сам догадался...

Вообще-то, мне нужно было быть готовым к чему-то подобному, но когда дверь нам открыла Галкина, мне ничего не оставалось, как открыть рот.

Мы, три человека, составляли на лестничной клетке некий треугольник, стороны которого несли в себе такое равенство, что это уже был не треугольник, а какая-то опора демократии.

Вряд ли Эдуард Михайлович подстроил нашу встречу умышленно, и, потому, мое удивление было оправданным. А то, что сама Галкина не удивилась, было лишь небольшим довеском к непредставляемому. Она сделала шаг в сторону, приглашая нас в дом, и в это не сложное движение, Галкина уложила и «здравствуйте», и «проходите» – одновременно.

– Дай хоть вблизи на твою седину посмотреть, – проговорила она, глядя на меня, пропуская нас в комнату, – И зубы у тебя поредели.

– Ничего, – вздохнул я, – Рогами восполняю...

...Много лет назад у меня с Галкиной был какой-то уж слишком вялотекущий роман. Без начала, и почти без конца, так, одно продолжение.

Я не раз изменял ей, а ее встречали в ЦДХ с какими-то маринистами, баталистами и прочими инструкторами ЦК ВЛКСМ.

Последний раз мы с ней были в какой-то творческой командировке на Урале. Поехали после какого-то дурацкого спора по поводу толи фона в роли пейзажа, толи по поводу золотого сечения в пропорциях вертикали и горизонтали в натюрмотре. Мы были не то, чтобы в состоянии войны, скорее, в мирном противостоянии – так уж бывает: двое громко любят одного бога и тихо ненавидят друг друга.

Помню, нам пришлось долго уговаривать дежурную администраторшу гостинцы дать нам один номер на двоих, и когда мы ее уломали, та выдала нам какую-то книгу, в которой мы должны были расписаться за то, что обязуемся выполнять правила поведения.

– А где можно прочесть эти правила? – довольно глупо спросил я.

– А вы, что сами не знаете, как нужно вести себя в гостинице?..

Впрочем, это был мой не последний глупый поступок, если учесть, что на этюды в горы я поехал один.

Когда я вернулся, очередным дежурным администратором был мужчина.

– Скажите, моя спутница у себя?

– У себя, – ответил он, но посмотрел на меня довольно странно. И тогда я задал совсем уж неуместный, казалось, вопрос:

– А она одна? – и администратор замялся:

– Кажется... Не очень...

– Тогда, закажите мне билет на ближайший поезд до Москвы.

– Ближайший поезд до Москвы через шесть часов.

Но через два часа есть самолет.

Хотя, это дороже.

– Заказывайте на самолет. Для моей души это дешевле...

После этого мы с Галкиной виделись от случая к случаю, то есть, можно считать, совсем не виделись; правда, до меня доходило, что она стала секретарем по идеологии в Архитектурном институте. Безвстречность наша продолжалась до тех пор, пока мы не оказались в одном отделении Союза художников.

Здесь уж не проходило ни одного заседания, без того, чтобы мы с ней не сцепились.

А потом, она организовала в «желтой» прессе небольшую, но противную компанию против меня.

Хорошо еще, что какой-то олух из прибалтов за меня начал заступаться, потому, что вступать в спор с Галкиной на страницах «Частной жизни» или «Ох! И Ах!» я бы не стал все равно.

Не знаю, за что она мне мстила; ведь даже денег в уральской гостинице я оставил ей вполне достаточно. Правда, это чем-то напоминало оплату услуг, хотя, официально, мы ездили не любовниками, а коллегами по творческой командировке.

Впрочем, я думаю, что понимаю, почему Галкина обижена на меня – как и всякая женщина, она никому не может простить своих ошибок...

И то сказать, вся суэта в газетах пришлось на то время, пока я был в Ухте. Так, что ей достался не утопленник, которым Галкина хотела меня сделать, а только пузыри от него.

Вообще, здоровый нормальный человек должен сносно переносить нездоровую критику в газетах до тех пор, пока осознает, что не пресса существует для него, а он для прессы.

И еще, представляю, как Галкина скрипела зубами, когда, в результате этой шумихи цены на мои картины ненадолго поднялись. А число заказчиков увеличилось.

Впрочем, большее количество заказчиков делает художника не лучше, а, просто, богаче...

– Так уж выходит: всем интересно, за что дураки ругают дураков, – сказал мой друг Ваня Головатов. А потом, сам же и ответил, не знаю, имея ввиду толи мои картины, толи не мою Галкину:

– За то же, за что умные ругают умных.

За ошибки...

– ...Вы, кажется, и без меня знакомы, – проговорил Эдуард Михайлович несколько озадачено, видимо ощущая, как не легко знакомить знакомых людей. А потом, решив взвалить эту озадаченность на меня одного, добавил, – Тогда я поехал.

«Не уезжайте!» – хотел крикнуть я, но промолчал, и мое молчание выступило не поддерживающим согласием, а рукоподнятием перед обстоятельствами.

Хотя откровенно и на духу – оставаться с Галкиной один н на один, я не хотел, потому, что понимал, что ничего хорошего, кроме хорошей свары у нас не выйдет.

Так я в очередной раз продемонстрировал себе полное отсутствие настрадамусовских способностей...

– ...Ты не удивилась моему приходу? – спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

– Конечно, удивилась.

– А ведешь себя так естественно.

– Самое неестественное, это естественность не к месту, – разговаривая друг с другом, мы испытывали неловкость, словно каждый смотрел в замочную скважину...

Наступило то, что и должно было наступить – молчание, а молчу я еще хуже, чем отвечаю на вопросы.

И я не видел из него выхода. А Галкина нашла выход, и довольно простой:

– Ты есть хочешь?

«Нет», – хотел ответить я, но вместо этого зачем-то сказал:

– Хочу, – и, кажется, облизнул пересохшие губы.

– Садись к столу – устроим скатерть самобранку на скорую руку.

Или маленькое поле чудес.

– Да, – покорно проговорил я, – Во-всяком случае, буду знать, как оно выглядит.

А то, раньше я знал только то, как выглядит страна дураков...

Перед тем, как сесть за стол, мне пришлось отправиться в ванную для того, чтобы помыть руки.

Я давно заметил, что мерой состоятельности жилища является количество полотенец над раковиной. У Галкиной их было четыре: розовое, голубое, салатное и канареечное.

Кстати, это все довольно сложно составляемые на палитре цвета.

Никаких мужских приборов вроде бритвы, помазка или геля для бритья на стеклянной полке над ванной не было – это я отметил чисто автоматически, но оказавшаяся у меня за спиной Галкина, сказала:

– И бритва, и пена есть в шкафчике.

Я брею под мышками.

Меня удивило то, как быстро Галкина «вычислила» мои мысли, и я попробовал оправдаться:

– Просто когда мы поднимались к тебе, твоя соседка довольно ехидно на нас посмотрела.

– Сейчас я живу так, что, не только перед соседями опозорить – до слез довести, и-то – некому...

– ...Как ты думаешь, Петр, нам с тобой поговорить или помолчать лучше?

– Нам и говорить поздно, и молчать рано. Ты одно скажи: почему ты на меня все время наезжаешь? – не могу сказать, что люблю и часто использую современный сленг, но выражение «наезжаешь», показалось мне самым подходящим, в данный момент.

– Да разве это наезды? Ты наездов настоящих не видел.

– Ну, ладно. Не наезжаешь, а постоянно споришь. И ругаешь меня в газетах зачем? Ведь то, что написано пером, асфальтоукладчиком не заровняешь.

На какое-то время Галкина задумалась. При этом, ее глаза не переставали смотреть в мои, а в выражении лица появилось толи сомнение, толи какая-то ирония. Так учитель смотрит на неправильного ученика, зарывающегося в ответе, но упорствующего в этом.

А ее зрачки постоянно меняли цвет радужной оболочки.

Эта заминка дала мне возможность обратить внимание на то, что одета Галкина, даже на мой, не знакомый с ценами в бутиках взгляд, достаточно дорого.

И с большой любовью к себе.

И еще я, естественно, заметил очень тонкий, чтобы не выдавать ничего лишнего, но достаточно глубокий, чтобы продемонстрировать отсутствие лифчика, разрез на груди ее платья.

Вырез на платье женщины – это уже не материя, а энергия...

Правда, красивой женщине со вкусом идет все.

Впрочем, ничего – идет ей еще больше...

Незаметно, без всякой суеты, на столе появилась икра, красная рыба с ломтиками лимона, буженина и ветчина – все те, не слишком великодорогие, но все же, для таких людей, как я, закуски свойственные скорее праздникам, чем ежедневным полдникам.

За приоткрытой дверцей бара виднелось винное многообразие.

– Ты часто пьешь?

– Нет.

– Для чего же ты держишь столько вина? – задал я довольно глупый вопрос, словно вино существует только для того, чтобы его непрерывно пили.

Кстати, я давно заметил, что вино постоянно есть только в доме трезвенников.

– На всякий случай, – ответила Галкина, И мне не пришло в голову, что такое безобразие, как «всякий случай» в жизни бывает всегда.

Подозревать Плавского в потенциальном лицемерии, то есть в том, что он предупредил Галкину о нашем приходе, не имело смысла, хотя определенные сомнения стали пробираться в меня.

– Я никого не ждала, – вздохнув, проговорила Галкина, – Поэтому все очень скромно.

Эту горечь ближнего, вернее ближней, я снес с христианским смирением, с которым мы обычно сносим все горести ближних.

И далеких, кстати, тоже...

Если она и вправду никого не ждала и не готовилась к нашей встрече, мне оставалось пообывательствовать:

– Хорошо живешь. Поделись опытом.

– Ладно.

Я расскажу тебе одну притчу:

– ...Однажды юноша пришел к мудрецу и попросился в его дом: «Я буду помогать вам. А, заодно, обучаться мудрости...»

Через год мудрец призвал его к себе и сказал: «Я научил тебя всему, что знаю сам. И пришло нам время расстаться.

Ты много и хорошо работал у меня, и теперь решай, что ты предпочтешь за свой труд: мудрый совет или деньги?»

– Конечно, мудрый совет, – ответил юноша.

– Так вот, слушай: «За честно выполненную работу всегда бери деньгами, а не добрыми советами...»

– Только помни, – улыбнулась Галя, – Эта истина – всего лишь, притча.

И к правде они имеет только косвенное отношение.

– Истина, по-твоему, не совпадает с правдой?

– Да.

Истина может быть абстрактной, правда – всегда реальна.

Я промолчал, не задумавшись над тем, что еще сегодня мне придется в этом убедиться...

– ...Ты получила все, о чем мечтала: квартиру, машину... – попробовал позанудствовать я, но Галя прервала меня:

– Когда получаешь все, о чем мечтаешь, то понимаешь, что мечтаешь совсем не об этом...

– Мои дела действительно идут хорошо. А как твои дела? – не то, чтобы Галкина перехватывала инициативу. Наверное, просто пришел ее черед задавать вопросы.

– Нормально, – захотелось ответить ей, но перед Галкиной было одинаково глупо и жаловаться на жизнь, и хвастаться ей; и я зачем-то сказал:

– Как все в этом мире, – тем самым, демонстрируя симптомы самой распространенной и безопасной болезни – стремление ставить диагноз эпохе.

– Ну, что же, говорят, что мир замечателен. Кстати, я и сама, как критик, часто повторяю это.

Ссориться может любой дурак.

Жаль, что большинство умных только этим и занимаются.

И первый повод для свары появился точно по расписанию, как только мы заговорили на «свободную тему», и я не удержался:

– Говорящие, что мир прекрасен, либо лицемеры, либо идиоты. И еще неизвестно, что хуже, хотя и то, и другое плохо.

Мир мерзок. То дождь на весь день, то Лукашенко приедет, то в автобусе нахамят, то энерготарифы унифицируют, то на кухне гора грязной посуды, то Говорухин в телевизоре...

Всю эту чушь я мог бы нести еще довольно долго, но Галкина меня прервала совсем неожиданно:

– Знаешь, кто сопричастен? – на такую постановку вопроса я промолчал, а она сказала то, что, наверное, я мог бы сказать себе сам.

Только наедине.

– Тот, кто среди всего хлама, может тратить часть себя на поиск гармонии...

– Ты женат? – вопрос был задан очень просто, и я почему-то не подумал, что просто такие вопросы не задают.

– Разведен. Трижды.

– Никогда не задумывался над тем, почему так произошло?

– Задумывался.

– Ну и что?

– Просто, каждый раз, когда я убеждался, что сделал ошибку, я уже оказывался женатым.

А когда я становился достаточно разумным, чтобы жить настоящим, оно становилось уже в прошлом...

– Кстати, сколько тебе лет?

– Я в расцвете. На пенсию идти еще рано, а браться за ум уже поздно.

О том, что я уже подхожу к тому возрасту, когда вполне можно устраиваться в детскую школу по фигурному катанию – во всяком случае, песок из меня начинает сыпаться, и дети падать на льду не будут, я рассказывать не стал.

Как не стал рассказывать о том, что не вполне понимаю – что ждет меня впереди?

После зрелости.

Сбор урожая или затаривание и отправка к месту хранения...

– Говорят, что ты еще ухаживаешь за молоденькими девочками?

– Все реже и реже.

– Почему?

– Только я начинаю ухаживать, как они уступают мне место в общественном транспорте...

...Я посмотрел на бутерброды с икрой:

– Знаешь, что меня удивляет? Ты ешь икру, а говоришь об учителях. Как ты тогда сказала, – продолжал злиться я, – «Ужасно, что учителя бедные!»

– Зато, как прекрасно ты меня оборвал: «Ужасно не то, что учителя бедные, а то, что к этому привело.»

– Ну а нищие в переходах, чем тебя достали? – не унимался я: «Реформы привели к тому, что во всех переходах стоят нищие!» Ты, что, специалист по реформам для нищих?

– Теперь – да. Ты ведь всем нам так красиво все объяснил: «Реформы могут привести к нищете, а к нищенству приводит отсутствие самоуважения.»

Тебе даже заплодировали.

– Для чего ты сказала, что богатые должны платить за бедных?

– Чтобы ты мог ответить: «Да, должны. Если хотят, чтобы бедные остались бедными навсегда.»

– А про памятник Дзержинскому? Что это просто скульптура?

– Должна же я была дать тебе возможность показать то, какой ты истинный демократ.

Ну, и ты оказался во всем блеске своего гражданского свободомыслия: «Если памятник тирану для нас просто скульптура, значит, мы – рабы!»

– А капитализм в искусстве ты к чему приплела?

– Чтобы ты мог сказать: «Капитализм – это то, чем занимаются люди, когда им не задурачивают голову всякими глупостями»

– Зачем была Библия, учащая любить людей?

– Когда ты сказал, что любить людей учит камасутра, а не Библия, любуясь своим остроумием, ты даже не заметил восторженных взглядов женщин.

А я не просто дала тебе возможность блеснуть остроумием, но и женские взгляды заметила.

– Ты, Галкина, серьезный противник, – прошептал я, и Галя вздохнула почти безразлично:

– Скажи мне кто твой враг, и я скажу, кто ты...

Наш спор переставал быть спором, а превращался в какую-то вольную борьбу за то, кто прав:

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, – не к месту поправил я, но она и здесь переиграла меня:

– Интересно, к Иуде Искариоту это тоже относится?..

Наш спор переставал быть спором, а превращался в какую-то вольную борьбу за то, кто прав:

– Почему мы все время ссоримся?

– Потому, что у нас нет общих врагов...

– Мы выдумываем своих врагов.

– Своих друзей мы тоже выдумываем...

Вопросы появлялись разные, как карты, но было очевидно, что они все из одной колоды. Хотя мы как будто бы и не играли, а все время только расставляли фигуры или тасовали фишки.

За всеми этими вопросами я даже как-то забыл, что хотел спорить с Галкиной.

Она вдруг посмотрела на меня серьезно:

– Скажи, Петр, когда ты споришь со мной, ты часто думаешь, что все бабы – дуры?

– Иногда, – честно признался я. И если бы я этого не сделал, получилось бы не только не честно, но и глупо.

– Петя, бабы – дуры, не потому, что они дуры, а потому, что большинству мужчин хочется так думать.

– Большинству умных мужчин?

– Где ты видел, чтобы умные были в большинстве?..

– Зачем же были газетные статьи? Ведь на них я точно не мог ответить тем же. Если художник станет заниматься опровержениями, ему не останется времени не только на работу, но даже на отдых.

– Отвечал другой человек. Профессор П. Алкинас.

– Ты бы меня с ним познакомила. Поблагодарить надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.